

Валерий Брюсов

ВСЕ НАПЕВЫ

(1906-1909)

ПОЭТУ

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель –
Готовность взойти на костер.

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь,
И в час беспощадных распятий
Прославь иступленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок.

18 декабря 1907

БЛИЗКОЙ

Как страстно ты ждала ответа!
И я тебе свой дар принес:

Свой дар святой, свой дар поэта, –
Венок из темно-красных роз.

Мои цветы благоуханны,
Горят края их лепестков,
Но знает розами венчанный
Уколы тайные шипов.

Венок вовеки не увянет
Над тихим обликом чела,
Но каждый вечер снова ранит
Тебя сокрытая игла.

В венце, как на веселом пире, –
Ты мученица на кресте!
Но будь верна в неверном мире
Своей восторженной мечте!

Мой дар – святой, мой дар – поэта,
Тебя он выше всех вознес.
Гордись, как дивным нимбом света,
Венком из темно-красных роз!

11 января 1908

ЭЛЕГИИ И БУКОЛИКИ

ОДИНОЧЕСТВО

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волнение,
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!
Слышу, тихо грохочут с волной уходящей каменья,
Вижу, алый закатный туман превращается в дым.

То в алмазных венцах, то в венках полевых маргариток,
То в одеждах рабынь, то в багряных плащах королев,
То, как ветер, смеясь, то с лицом, утомленным от пыток,
Вкруг меня наклоняется хор возвратившихся дев.

Взор ваш ласков, как прежде, и шаг, как бывало, размерен...
Значит, тот я, что был, если прошлый мне мир возвращен!
Подходите, шепчите: я был вам и буду вам – верен,
Никому не открою я ваших священных имен!

К вашим ласковым пальцам прижму воспаленные веки,
К вашим грудям знакомым устало прильну головой...

Сестры! нежные сестры! я в детстве вам клялся навеки,
Только с вами я счастлив, и только меж вами я свой!

Затихает вдали успокоенный ропот отлива,
На волнах потухает змеиностей лунных игра,
И, в венке маргариток, склонясь надо мной, торопливо
Мне рассказ о прожитом в разлуке – лепечет сестра.

12 февраля 1907

ВЕЧЕРОВЫЕ ПЕСНИ

СУМЕРКИ

Горят электричеством луны
На выгнутых длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;

Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждущих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.

Под сетью пленительно-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза – проходящих гетер.

Как тихие звуки клавира –
Далекие ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

5 мая 1906

ФЕВРАЛЬ

Свежей и светлой прохладой
Веет в лицо мне февраль.
Новых желаний – не надо,
Прошлого счастья – не жаль.

Нежно-жемчужные дали
Чуть орумянил закат,
Как в саркофаге, печали
В сладком бесстрастии спят.

Нет, не укор, не предвестье
Эти святые часы!
Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.

Миг между светом и тенью!
День меж зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной.

31 января 1907

У ГРОБА ДНЯ

День обессилел, и запад багряный
Гордо смежил огневые глаза.
Белы, как дым из каминов, туманы,
Строги, как свод храмовой, небеса.

Звезды мерцают, и кротки и пышны,
Как пред иконами венчики свеч.
Ветер прерывистый, ветер чуть слышный
Горестно шепчет прощальную речь.

Скорбные тени, окутаны черным,
Вышли, влекут свой задумчивый хор,
Головы клонят в молчаньи покорном,
Стелят над травами траурный флер.

С тенями вместе склоняюсь у гроба
Шумно прошедшего яркого дня.
Смолкните в сердце, восторги и злоба!
Тайна и мир, осените меня!

27 марта 1907

ВЕЧЕР СРЕДИ СНЕГОВ

Веет нежная прохлада
Наступающей зимы.
Тело свежести так радо!

Взорам белости так надо
В четкой раме полутьмы!

Над равниной ярко-снежной
Месяц в небе ворожит.
Все, как в детстве, безмятежно;
Все, как в смерти, неизбежно,
Нет желаний, нет обид.

Путь мой вьется в бесконечность
Меж полей, как мрак, пустых.
В думах милая беспечность,
И мечты ласкает встречность
Рифм знакомых и простых.

2 ноября 1907

БЫТЬ БЕЗ ЛЮДЕЙ

В лицо мне веет ветер нежащий,
На тучах алый блеск погас,
И вновь, как в верное прибежище,
Вступаю я в вечерний час.

Вот кто-то, с ласковым пристратием,
Со всех сторон протянет тьму,
И я упьюсь недолгим счастьем:
Быть без людей, быть одному!

Май-июнь 1907

НА ГРАНИТАХ

К ШВЕЦИИ

В этом море кто так щедро
Сев утесов разбросал,
Кто провел проливы в недра
Вековечных скал?

Кто художник, словом дивным
Возрастил угрюмый бор
По извилям непрерывным

Матовых озер?

Кто в безлунной мгле столетий,
Как в родной и верный дом,
Вел народ на камни эти
Роковым путем?

Кто, под вопли вьюги снежной,
Под упорный зов зыбей,
Сохранил сурово-нежный
Говор древних дней?

В час раздумий, в час мечтаний,
В тихий отдых от забот,
В свете северных сияний,
У мятежных вод,

Кто-то создал эту сказку
Про озера и гранит
И в дали веков развязку
Вымысла таит!

Сентябрь 1906

НА МЭЛАРЕ

Нежно веет свежий ветер,
Сладко млеет светлый Мэлар,
Солнце медлит над закатом,
Озарив огнями даль, –
В небе, слабо-розоватом,
И в воде, литой как сталь.

Здравствуй, прежний, свежий ветер,
Здравствуй, новый, светлый Мэлар,
Сосны темные по склонам,
Пятна яркие листвы,
И над берегом зеленым
Благость вечной синевы!

1906

СТОКГОЛЬМ

Словно над глубями зеркала
Ты из гранита возник,

В зыби стремительной Мэлара
Свой разбивая двойник.

Сын вечно женственной родины,
Весь ты в любимую мать!
Трудно ль в осанке усвоенной
Нежность души угадать!

Ты, как сосна Далекарлии, –
Строен, задумчив и прям.
Годы тебя не состарили,
Снегом скользнув по кудрям.

Витязь пленительный Севера,
Ты головой не поник!
Весело в зеркале Мэлара
Твой ускользает двойник.

29 июля 1906

НА ГРАНИТАХ

Снова долгий тихий вечер.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечет
Над волной роскошно-алой.

И не зная, здесь я, нет ли,
Чем дышу – мечтой иль горем, –
Запад гаснет, пышно-светел,
Над безумно светлым морем.

Им не слышен – им, бесстрастным, –
Шепот страсти, ропот гнева.
Небо хочет быть прекрасным.
Море хочет быть – как небо!

Волны быстро нижут кольца.
Кольца рдяного заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Все – навек, все – без возврата!

20 июля 1906

В МОРЕ

Ночью светлой, ночью белой
Любо волнам ликовать,
Извиваться влажным телом,
Косы пенные взметать;

Хороводом в плавной пляске
Парус старый обходить,
За кормой играя в прятки,
Вить серебряную нить;

И в припадках краткой грусти
(Лентой длинной сплетены)
Подставлять нагие груди
Золотым лучам луны;

А потом, дрожа от счастья,
Тихо вскрикивая вдруг,
В глубину ронять запястья
С утомленных страстью рук.

1906

УГРЮМЫЙ ЧАС

На высях дремлет бор сосновый;
Глуха холодная волна;
Закат загадочно-багровый
В воде – горит, как сон лиловый;
Угрюмость, блеск и тишина.

Над гладью вод орел усталый
Качает крыльями, спеша.
Его тревожит отблеск алый, –
И вот на сумрачные скалы
Он пал, прерывисто дыша.

Ни паруса, ни дыма! Никнет
Свет, поглощаемый волной.
Порою только чайка крикнет
И белым призраком возникнет
Над озаренной глубиной.

Июль 1906

НА ГОТЛАНДЕ

Тощий мох, кустарник чахлый,
Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Белой пыли пелена...

Древней пылью поседели
Можжевельник и гранит.
Этот мир достиг до цели
И, как мудрый старец, спит.

А за гранями обрывов
Волн восторженный разбег,
И на камнях, вдоль заливов,
Пена, чистая, как снег.

8 июля 1906

ВИСБИ

Старый Висби! Старый Висби!
Как твоих руин понятны –
Скорбь о годах, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится им былая слава,
В море синем город белый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смехом, полный делом;

Снится – в гавани просторной
Флот, который в мире славен,
Паруса из Риги, Кельна,
С русских, английских окраин;

Снится звон веселый в праздник,
Звон двенадцати соборов,
Девы, всех цветков нарядней,
Площадь, шумная народом.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить нам руины!
Им виденья грустной дремы
Сохранили мир старинный.

С ними те же кругозоры,
И все то же море к стенам
Стелет синие уборы
С кружевами белой пены.

Июль, сентябрь 1906

ПРИБОЙ

С шумом на белые камни
Черные волны находят,
Мерно вставая рядами,
Пенные головы клонят.

Море ночное – из дали
Вал за валами торопит,
Белые камни – телами
Мертвых воителей кроет.

Морем упорным, полночным
Властвует дух-разрушитель.
С шумом покорным, немолчным
Волны идут на погибель.

1 июля 1906

ЭХО

Между гор грохочет эхо
Убегающего поезда.
Лунный глаз то глянет слепо,
То опять меж сосен скроется.

Сумрак тайно сблизил ветви,
Сделал скалы смутно-серыми
И внизу развесил сети
Над проливами и шхерами.

Воздвигает ангел ночи
Храм божественного зодчества,
И прохлада веет в очи
Вечной тайной одиночества.

21 июля 1906

В ШХЕРАХ

Морской залив, вошедший в сушу

Так далеко,
Твою мечтательную душу
Понять легко!

Скале недвижимой и холодной
Ты весть принес,
Что есть безумье зыби водной
И буйство грез!

Но там, где сосны сонно-строги
И мягок мох,
Ты слил, без сил, свои тревоги
В единый вздох.

Приник лицом к зеленым склонам,
В истоме спишь,
И только чайки странным стоном
Тревожат тишь.

10-23 июля 1906
Nynäshamn

В ПОЛЕ

ВЕК ЗА ВЕКОМ

Взрывают весенние плуги
Корявую кожу земли, –
Чтоб осенью снежные вьюги
Пустынный простор занесли.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И снова все бело и тихо,
Лишь волки проходят, как сон.

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Врезает им грудь бороздой.

А древние пращурьы зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется, суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

Январь 1907

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Над простором позлащенным
Пестрых нив и дальних роц
Шумом робким и смущенным
Застучал весенний дождь.

Ветер гнет струи в изгибы,
Словно стебли камыша,
В небе мечутся, как рыбы,
Птицы, к пристани спеша.

Солнце смотрит и смеется,
Гребни травок золотя...
Что ж нам, людям, остается
В мире, зыбком как дитя!

С солнцем смотрим, с небом плачем,
С ветром лугом шелестим...
Что мы знаем? что мы значим?
Мы – цветы! мы – миг! мы – дым!

Над простором позлащенным
Пестрых нив и дальних роц
Шумом робким и смущенным
Прошумел весенний дождь.

13 июня 1908

АВГУСТ

И первый лист любезен падший.
Вяч. Иванов

Здравствуй, Август, венчан хмелем,
Смуглый юноша-сатир!
Мы ковры под дубом стелем,
Мы в лесу готовим пир!

Будь меж нами гость желанный
За простым лесным столом.
Груды груш благоуханны,
Чаши пенятся вином.

Заплелись багрянцы клена
В золотую ткань дубов,
Но за ними – небосклона
Синий круг без облаков.

Словно этот плод созрелый,
Лето соками полно!
Пей же с нами чашей целой
Вечно жгучее вино!

Ты, серпы точивший в поле,
Ты, поднявший первый цеп,
Славь недели полной воли,
Новый плод и новый хлеб!

Август милый! отрок смуглый!
Как и мы, ты тоже пьян.
Свечерело. Месяц круглый
Озарил круги полян.

Мы не спорим, не ревнуем,
Припадая, как во сне,
Истомленным поцелуем
К обнажившейся спине.

1907

В ЛУГАХ

Задремал пастух понурый.
Над унылостью равнин
Тучи медленны и хмуры,
Преет мята, веет тмин.

Спит пастух и смутно слышит
Жвачку ровную коров,
А над сонным осень дышит
Чарой скошенных лугов.

Спит пастух, но в тихом стаде
Есть другой сторожевой –
В белом дедовском наряде
И с венцом над головой.

Он пришел от ближней речки,
Где дрожали тростники:
Перед ним встают овечки,
На него глядят быки.

Лошадям он гривы гладит,
Жеребят собирает в круг,
И со злой овчаркой ладит,
Как хозяин и как друг.

Спит пастух, и дышит тмином,
И во сне виденьям рад...
Тихо бродит по долинам
Древний пастырь местных стад.

Август 1907

ОСЕННЕЕ ПРОЩАНИЕ ЭЛЬФА

В небе благодать, в небе радость, Солнце льет
живую сладость, Солнцу – верность, Солнцу – вздох!
Но листок родного клена, прежде сочный и зеленый,
наклонился и засох.

В небе снова ясность мая, облака уходят, тая,
в завлекательную даль,
Но часы тепла короче, холодней сырые ночи,
отлетевших птичек жаль!

Ах! где тихо ропщут воды, вновь составить хороводы
легких братьев и сестер!
Но никто не слышит зова, и гудит в ответ, сурово,
поредевший, строгий бор.

Веют струи аромата и по ниве, грустно сжатой,
и по скошенным лугам,
Но ни бабочек блестящих, ни стрекоз, в луче дрожащих,
не видать ни здесь, ни там!

Где вы, братья! сестры, где вы! наши пляски и напевы
отзвенели, отошли!
Сгибнуть эльфам легкокрылым, вместе с августом унылым,
вместе с прелестью земли!

Но сегодня в небе радость! Солнце льет, прощаясь,
сладость! Солнцу – верность, Солнцу – вздох!
В миг последний, с тем же гимном, здесь,
в лесу гостеприимном, упаду на серый мох!

Май 1907

* * *

Закат спокойный и огнистый,
Как пронизал лучами ты
И пруд, рубинно-серебристый,
И зелень ветел, и цветы,

Так озари и души эти,
Двоих на мир благослови,
Чтоб озарилось в кратком свете
Глухое озеро любви!

Закатный блеск! огонь алтарный!
Ты смело принимаешь тень,
И гаснешь, веря в лучезарный,
Жемчужный, бирюзовый день!

Но кто, под месяцем лукавым,
Сбежит с откоса в тростники
По темным и росистым травам,
Бросая в воздух огоньки?

Кто диким хохотом отметит
Тот миг, когда всплеснет вода,
И новую русалку встретит
Насмешками на дне пруда?

Июнь 1907

РАДУГА

Семицветным полукругом
Ты взнеслась над влажным лугом,
Утвердив в траве края.
Мост, который в доли наши
Вел Ириду с горней чашей,
Знаю, – ты мечта моя!

Ты таилась в каплях влаги,
Словно в зыбком саркофаге, –
Луч зиждительный дробя.
Ясный взор мой, Божье чудо,
Заглянув в струи, – оттуда
Вывел, яркую, тебя!

Но, как греза о нездешнем,
Ты горишь над лугом вешним,
В небе, радужным венцом.
И, творец перед твореньем,
Преклонясь с благоговеньем,
Я тебе пою псалом!

Июль 1907

МГНОВЕНИЯ

ЧАС ВОСПОМИНАНИЙ

Воспоминая, с нежной грустью,
Меня в глаза целует. День
Струей чуть слышной льется к устью
И на душу ложится тень.

Вновь, как моряк, носимый морем,
Всю жизнь я вижу пред собой,
С ее надеждами и горем,
С ее безумством и мечтой.

И, заслоня все другие,
Чуть зримы в жуткой тишине,
Двух женщин облики немые
Во мгле склоняются ко мне.

То с дерзкой дрожью сладострастья,
С бесстыдным отблеском в зрачках,
Манят меня виденьем счастья,
Забытого в холодных днях;

То смотрят нежно и любовно
И, не ревнуя, не кляня,
О всем погибшем плачут, словно
И обо мне, и за меня!

И снова я из бездны черной
Стремлюсь к далеким берегам, —
Но кто-то шепчет мне упорно,
Что жребий свой я выбрал сам.

.....

День потонул во мгле безбрежной,
Кругом прибой грозящих струй...
Воспоминанье, с грустью нежной,
Вновь близит страшный поцелуй.

20 ноября 1908

КОТОРЫЙ РАЗ

Опять весна. Знакомый круг
Замкнут – который раз!
И снова зелен вешний луг,
В росе – вечерний час.

Смотрю – как месяц в темный пруд
В зрачки любимых глаз,
Уста к устам, дрожа, прильнут...
Прильнут – который раз!

И будет миг, как долгий сон,
Качать, баюкать нас.
Я странно счастлив, я влюблен...
Влюблен! – который раз!

И в стройных строфах вновь мечты
Поют – который раз!
А месяц смотрит с высоты –
Веков холодный глаз.

Февраль 1907

ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕР

Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах.
Вспоминает вечер о далеких снах.

Ветер шепчет, шепчет грустно чье-то имя мне.
Звездам бесприютно в черной вышине.

Тот же ветер, гость осенний, все мечты унес.
В сумраке, как тени, образы берез.

Сумрак никнет, душу вяжет, вечер спит, я сплю.
В тишине кто скажет тихое: люблю!

Черен сумрак, ветер умер, умер гул в дубах.

В тишине что думать о погибших снах!

Июль 1907

СНЫ

Сны играют на просторе,
Под магической луной.
Ф. Тютчев

Спите, дети! спите, люди!
В тихой темноте,
У земной, родимой груди,
Преданы мечте!

Ваши грезы ночь уносит
В высь своей тропой.
Кроткий месяц отблеск бросит
На крылатый рой...

Что вам утро! Утром глянет
Беспощадный свет;
Утром душу снова ранит
Сталь людских клевет.

Труд и дряхлая забота
Днем вас стерегут,
Властно требуют отчета,
Произносят суд.

Днем стучат, стучат лопаты
У глухих могил,
И во глубь ваш дух крылатый
Падает без сил.

Ночь вас нежит, ночь уносит
В лучший мир мечты,
Где луна сияньем косит
Звездные цветы.

Спите, люди! спите, дети!
Грезам нет границ!
Пусть летают в лунном свете
Сны, как стаи птиц!

1908

УСТАЛОСТЬ

Не дойти мне! не дойти мне! я устал! устал! устал!
Сушь степей гостеприимней, чем уступы этих скал!

Всюду камни, только камни! мох да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мне! спой мне песню, тишина!

Вот роняю посох пыльный, вот упал, в пыли простерт.
Вот лежит, как прах могильный, тот, который был так горд.

Может быть, за серым кряжем цель моих заветных дней...
Я не встану первым стражем у Ее святых дверей!

Не склонюсь, целуя свято в храм ведущую ступень...
Злые завесы заката растянул над входом день.

Солнце канет за уступом, ночь протянет черный шелк,
И сюда за новым трупом поползет за волком волк.

Долго ль взор мой будет в силах отражать их натиск злой?
Стынет кровь в замерзших жилах! словно факел предо мной!

Не дошел я! не свершил я подвиг свой! устал! упал!
Чу! шуршат угрюмо крылья духов мести между скал!

1907

АНГЕЛ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ

(молитва)

Ангел благого молчания,
Властно уста загради
В час, когда силой страдания
Сердце трепещет в груди!

Ангел благого молчания,
Радостным быть помоги
В час, когда шум ликования
К небу возносят враги!

Ангел благого молчания,
Гордость в душе оживи
В час, когда пламя желания
Быстро струится в крови!

Ангел благого молчания,

Смолкнуть устам повели
В час, когда льнет обаяние
Вечно любимой земли!

Ангел благого молчания,
Душу себе покори
В час, когда брезжит сияние
Долго желанной зари!

В тихих глубинах сознания
Светят святые огни!
Ангел благого молчания,
Душу от слов охрани!

7 мая 1908

ЛИКОРН

(сонет)

Столетний бор. Вечерний сумрак зелен.
Мне щеки нежит мох и мягкий дерн.
Мелькают эльфы. Гномы из расщелин
Гранита смотрят. Крадется ликорн.

Зачем мой дух не волен и не целен!
Зачем в груди пылает ярый горн!
Кто страсть мне присудил? и кем он велен,
Суровый приговор бесстрастных норн?

Свободы! Тишины! Путем знакомым
Сойти в пещеру к празднующим гномам,
Иль с дочерьми Царя Лесного петь,

Иль мирно спать со мхом, с землей, с гранитом...
Нет! голосом жестоким и несатым
Звучит во мне, считая миги, медь.

11 июля 1908

ЭРОТИКА

ОТРЕЧЕНИЕ

Секстина

Все кончено! Я понял безнадежность
Меня издавна мучившей мечты.
Мою любовь, и страсть мою, и нежность
Ни перед кем я не пролью, – и ты,
Моя душа, смиришь свою мятежность,
В напрасной жажде вещи Красоты!

Как сладостно на голос Красоты,
Закрыв глаза, стремиться в безнадежность
И бросить жизнь в кипящую мятежность!
Как сладостно сгореть в огне мечты,
В безумном сне, где слиты «я» и «ты»,
Где ранит насмерть лезвиями нежность!

Но в мире, где любовь на время, – нежность
Лишь оскорбленье вещи Красоты.
Не бейся, сердце! В этой жизни ты
Должно быть из железа! Безнадежность
Горит над обликом твоей мечты.
Смири, смири своей алчбы мятежность!

Достаточно позора! Всю мятежность
Своих порывов помню! Помню нежность
Своих признаний! Весь обман мечты!
И что ж! Во храме лживой Красоты
Я слышал, как смеется Безнадежность,
И сам, в отчаяньи, стонал: «Не ты!»

Царица дум и всех желаний! Ты
Не явишь лика. Взоров безмятежность
Мне не покажешь. Ты не примешь нежность
Моих усталых губ. Ты «безнадежность»
Дашь мне девизом. Тайну Красоты
Дано мне знать лишь в призраке мечты.

И буду я над пропастью мечты
Стоять, склоняясь, повторяя: «Ты?»,
Любуясь ликом вещи Красоты.
И пусть звучит в моих стихах мятежность!
Там вся любовь, вся страсть моя, вся нежность, –
Но их, смеясь, венчает Безнадежность.

1909

ВСТРЕЧА

Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озириса Изида, друг, царица и сестра!
И клонила пирамида тень на наши вечера.

Вспомни тайну первой встречи, день, когда во храме пляски увлекли нас в темный круг,
Час, когда погасли свечи и когда, как в странной сказке, каждый каждому был друг,
Наши речи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдруг!

Разве ты, в сияньи бала, легкий стан склонив мне в руки, через завесу времен,
Не расслышала кимвала, не постигла гимнов звуки и толпы ответный стон?
Не сказала, что разлуки – кончен, кончен долгий сои!

Наше счастье – прежде было, наша страсть – воспоминанье, наша жизнь – не в первый раз,
И, за временной могилой, неугасшие желанья с прежней силой дышат в нас,
Как близ Нила, в час свиданья, в роковой и краткий час!

1906, 1907

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Октавы

Не все ль равно, была ль ты мне верна?
И был ли верен я, не все равно ли?
Не нами наша близость решена,
И взоры уклонить у нас нет воли.
Я вновь дрожу, и снова ты бледна,
В предчувствии неотвратимой боли.
Мгновенья с шумом льются, как поток,
И страсть над нами вносит свой клинок.

Кто б нас ни создал, жаждущих друг друга,
Бог или Рок, не все ли нам равно!
Но мы – в черте магического круга,
Заклятие над нами свершено!
Мы клонимся от счастья и испуга,
Мы падаем – два якоря – на дно!
Нет, не случайность, не любовь, не нежность, –
Над нами торжествует – Неизбежность.

22 января 1909

ЕЕ КОЛЕНИ...

Рондо

Ее колени я целую. Тени
Склоняются, целуя нас двоих.
Весь мир вокруг застенчиво затих.
Мы – вымысел безвестных вдохновений,
Мы – старого рондо певучий стих.

Певец забытый! Брат времен святых!
Ты песне вверил жалобы и пени,
И вот сегодня мне поют твой стих
Ее колени:

«В венке из терний дни мои; меж них
Один лишь час в уборе из сирени.
Как Суламифи – дом, где спит жених,
Как Александру – дверь в покой к Елене,
Так были сладостны для губ моих
Ее колени».

1908

ЛИШЬ ОДНОГО!

Газелла

Лишь одного: я быть с тобой хочу!
С твоей мечтой слить трепет свой – хочу!

Над глубиью глаз повиснув в высоте,
Дышать их ночью, влажной тьмой – хочу!

В гробу объятий, в жуткой тесноте,
Услышать близко сердца бой – хочу!

Вдвоем спешить к мучительной мете
И вместе пасть у цели той – хочу!

Как палачу, отдаться красоте
И с плахи страсти крикнуть: «Твой!» – хочу!

Сентябрь 1905

(сонет)

Нет, не тебя так рабски я ласкаю!
В тебе я женщину покорно чту,
Земной души заветную мечту,
За ней влекусь к предсказанному раю!

Я чту в тебе твою святыню, – ту,
Чей ясный луч сквозь дым я прозреваю.
Я, упоив тебя, как Пасифаю,
Подъемлю взор к тебе, как в высоту!

Люби иль смейся, – счетов нет меж нами, –
Я все равно приду ласкать тебя!
Меня спасаю и меня губя,

На всех путях, под всеми именами,
Ты – воплощенье тайны мировой,
Ты – мой Грааль, я – верный рыцарь твой!

Май 1904

НОЧНЫЕ ЦВЕТЫ

Целый день спят ночные цветы...
А. Фет

Под зноем дня в пыли заботы
На придорожьях суеты,
В бессильи тягостной дремоты,
Висят священные цветы.

Но лишь, предвечная колдунья,
Начертит Ночь волшебный круг;
В огнях луны и в тьме безлуны
Их стебли оживают вдруг.

И, как уста, открыв глубины
Своих багряных лепестков,
Цветы с полей, цветы с куртины
Согласно тянутся на зов.

Дыша любовью и изменой,
Цветок впивается в другой
И сладко падает, как пеной,
Обрызган утренней росой.

Июль 1906

ПРИЗРАК НЕИЗБЕЖНЫЙ

Триолеты

Твой лик, загадочный и нежный,
Как отражение в глубине,
Склонился медленно ко мне.
Твой лик, загадочный и нежный,
Возник в моем тревожном сне.
Встречаю призрак неизбежный:
Твой лик загадочный и нежный,
Как отражение в глубине.

Твои уста, как уголь жгучий,
Язвят мне очи, плечи, грудь,
И сладко мне в огне тонуть.
Твои уста – как уголь жгучий!..
Мой сон! полней и ярче будь,
Томи меня, пали и мучай!
Твои уста, как уголь жгучий,
Язвят мне очи, плечи, грудь.

Неспешный ужас сладострастья,
Как смертный холод лезвия,
Вбирает жадно жизнь моя.
Неспешный ужас сладострастья
Растет, как бури шум, – и я
Благословляю стоном счастья
Неспешный ужас сладострастья,
Как смертный холод лезвия.

1908

В ПОТОКЕ

Я был простерт, я был как мертвый. Ты богомольными
руками мой стан безвольный обвила,
Ты распаленными устами мне грудь и плечи, лоб и губы,
как красным углем, обожгла.

И, множа странные соблазны, меняя лик многообразный,
в меня впиваясь сотней жал,
Дух непокорный с башни черной ты сорвала рукой
упорной и с ним низринулась в провал.

В бессильи падая, лишь крылья я видел над собой –
да алый, от свежей крови влажный, рот.
И скалы повторяли крики, и чьи-то побледнели лики,
и пали мы в водоворот.

И я не спорил с темным Роком. Мой труп неистовым
потоком несло по остриям камней,
И когти мне терзали тело, и сердце слабое немело,
и ужас был в душе моей.

Но в миг последний онеменья вдруг совершилось
возрожденье, и успокоенный поток
Внезапно, с нежностью небрежной, мой труп,
страданьем искаженный, отбросил сонно на песок.

1907

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Que tes mains soient bénies,
car elles sont impures!
de Gourmont

Да будут благословенны руки твои,
ибо они нечисты
Ремю Гурмон (фр.).

Сиянье глаз твоих благословляю!
В моем бреду светило мне оно.

Улыбку уст твоих благословляю!
Она меня пьянила, как вино.

Твоих лобзаний яд благословляю!
Он отравил все думы и мечты.

Твоих объятий серп благословляю!
Все прошлое во мне им сжала ты.

Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упал в его костер.

Весь мрак души твоей благословляю!
Он надо мной свое крыло простер.

За все, за все тебя благословляю!
За скорбь, за боль, за ужас долгих дней,

За то, что влекся за тобою к Раю,
За то, что стыну у его дверей!

1908

ПОТОМОК

Древний замок мой весь золотой и мраморный,
В нем покои из серебряных зеркал;
Зал один всегда закрыт портьерой траурной...
В новолуние вхожу я в этот зал.

В этот день с утра все в замке словно вымерло,
Голос не раздастся, и не видно слуг,
И один в моей капелле, без пресвитера,
Я творю молитвы, – с ужасом сам-друг.

Вечер настает. Уверенным лунатиком
Прохожу во мраке по глухим коврам,
И гордятся втайне молодым соратником
Темные портреты предков по стенам.

Ключ заветный, в двери черной, стонет радостно,
С тихим шелестом спадает черный флер,
И до утра мрак и тишь над тайной яростной,
Мрак и тишь до утра кроют мой позор.

При лучах рассвета, снова побежденный, я
Выхожу – бессилён, – бледен и в крови,
Видны через дверь лампы, мной зажженные,
Но портреты старые твердят: живи!

И живу, опять томлюсь до новолуния,
И опять иду на непосильный бой.
Скоро ль в зале том, где скрылся накануне я,
Буду я простерт поутру – не живой?

1908

*Эрос, непобедимый в битве (*греч.*)

МЕРТВАЯ ЛЮБОВЬ

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Ранняя осень любви умирающей.
Тайно люблю золотые цвета
Осени ранней, любви умирающей.
Ветви прозрачны, аллея пуста,
В сини бледнеющей, веющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота.

Листья со вздохом, под ветром, их нежащим,
Тихо взлетают и катятся вдаль
(Думы о прошлом в видении нежащем).
Жить и не жить – хорошо и не жаль.
Острым серпом, безболезненно режущим,
Сжаты в душе и восторг и печаль.

Ясное солнце – без прежней мятежности,
Дождь – словно капли струящихся рос
(Томные ласки без прежней мятежности),
Запах в садах доцветающих роз.
В сердце родник успокоенной нежности,
Счастье – без ревности, страсть – без угроз.

Здравствуйте, дни голубые, осенние,
Золото лип и осин багрянец!
Здравствуйте, дни пред разлукой, осенние!
Бледный – над яркими днями – венец!
Дни недосказанных слов и мгновения
В кроткой покорности слитых сердец!

21 августа 1905

СНОВА

Почему мы снова связаны
Страсти пламенным жгутом?
Иль не все слова досказаны
В черном, призрачном былом?

Почему мы снова вброшены
Вместе в тайну темноты?
Иль не все надежды скошены,
Словно осенью цветы?

Мы, безвольные, простертые,
Вновь – на ложе страстных мук.
Иль в могиле двое, мертвые,
Оплели изгибы рук?

Или тени бестелесные,
Давней страсти не забыв,
Все хранят объятия тесные,
Длят бессмысленный порыв?

Боже сильный, власть имеющий,
Воззови нас к жизни вновь, –
Иль оставь в могиле тлеющей, –
Страшен, страшен сон яснеющий,
Наша мертвая любовь!

1907

ХОЛОД

Холод, тело тайно сковывающий,
Холод, душу очаровывающий...

От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагиваются.

В этом блеске – все осилившая власть,
Умирает обескрылевшая страсть.

Все во мне – лишь смерть и тишина,
Целый мир – лишь твердь и в ней луна.

Гаснут в сердце невзлелеянные сны,
Гибнут цветики осмеянной весны.

Снег сетями расстилающимся
Вьет над днями забывающимся,

Над последними привязанностями,
Над святыми недосказанностями!

13 октября 1906

В ПОЛНОЧЬ

Понял! мы в раю!
Stephanos

«Ты – мой, как прежде?» – «Твой, как прежде!» –
«Ты счастлив?» – «Счастлив». – «Все, как прежде!»

Полночь в стекла сонно бьет.
Ночь свершает свой обход.

«Целуй меня! Целуй, как прежде!» –
«Тебя целую я, как прежде!»

Заступ в землю глухо бьет,
Ночь свершает свой обход.

«Мы в мире лишь вдвоем, как прежде?» –
«Да, в мире лишь вдвоем, как прежде».

Кто сказал, что гроб несут?
Четок, четок стук минут!

«А где ж блаженство, то, что прежде?» –
«Блаженство было прежде, прежде!»

Чу! земли за комом ком.
Ночь застыла за окном.

«Иль мы в могиле, вновь, как прежде?»
«Да, мы в могиле, вновь, как прежде».

Ветер травы сонно мнет.
Ночь свершает свой обход.

1908

УМИРАЮЩИЙ КОСТЕР

Бушует вьюга и взметает
Вихрь над слабеющим костром;
Холодный снег давно не тает,
Ложась вокруг огня кольцом.

Но мы, прикованные взглядом
К последней, черной головне,
На ложе смерти никнем рядом,
Как в нежном и счастливом сне.

Пусть молкнут зовы без ответа,
Пусть торжествуют ночь и лед, –
Во сне мы помним праздник света
Да искр безумный хоровод!

Ликует вьюга, давит тупо
Нам грудь фатой из серебра, –

И к утру будем мы два трупа
У заметенного костра!

Декабрь 1907

ИЗ ТИХИХ БЕЗДН

Из тихих бездн – к тебе последний крик,
Из тихих бездн, где твой заветный лик
Как призрак жизни надо мной возник.

Сомкнулся полог голубой воды,
И светит странно в окна из слюды
Медузы блеск и блеск морской звезды.

Среди кораллов и гранитных глыб
Сияют стаи разноцветных рыб.
Знакомый мир – ушел, отцвел, погиб.

Я смертно стыну в неотступном сне...
Зачем же ты, в холодной глубине,
Как призрак жизни, клонишься ко мне?

Я в тихих безднах помню прошлый рай.
Из тихих бездн к тебе мой крик, – внимай:
В последний раз, в последний раз, – прощай!

8 ноября 1906

ОБРЕЧЕННЫЙ

ГОЛОС

«Ты – мой, моей рукой отмечен,
И я, уверенная, жду.
Играй, безумен и беспечен,
От счастья смейся, плачь в бреду, –
Ты вдруг очнешься, в час закатный,
Поймешь мой зов, лишь сердцу внятный,
И с воплем крикнешь мне: иду!

Ты многим клялся: буду верен!
Ты многим говорил: я – твой!

Но неизменен и размерен
Событий трепет роковой.
Что было – только предвещанья,
Что было – лишь знаменованья
Того, что быть должно со мной!

Ты сам не понял, не изведал
Своей последней глубины,
Ты душу радости предал,
Как зыби медленной волны.
Я жду тебя с мечом разящим.
В былом, в грядущем, в настоящем
Мне дни твои обречены!»

ОТВЕТ

Остро и пламенно ранит
Взор твой, блестящий клинок.
Сердце искать не устанет,
Сердце – как в мае цветок.
Снова ли душу обманет
Богом назначенный срок?

Року иду я навстречу,
Взор упирая во взор:
Рыцарь – в жестокую сечу,
Верный – на ярый костер.
Ты позовешь, – я отвечу,
Скажешь, – приму приговор.

Долго я ждал. Неужели
Дрогнет и эта рука?
Строгие струны продели,
Цель моей жизни близка.
Ближе я... ближе... у цели...
А! синий отблеск клинка!

14 сентября 1907

ОСЕНЬЮ

Небо ярко, небо сине
В чистом золоте ветвей,
Но струится тень в долине,
И звенит вокруг чуть слышно
Нежный зов – не знаю чей.

Это призрак или птица
Бело реет в вышине?
Это осень или жрица,
В ризе пламенной и пышной,
Наклоняет лик ко мне?

Слышу, слышу: ты пророчишь!
Тихий путь не уклоня,
Я исполню все, что хочешь!
Эти яркие одежды –
Понял, понял – для меня!

Это ты – на смертном ложе
Ждешь покорного тебе!
Пусть же тень ложится строже!
Я иду, закрывши вежды,
Верен Тайне и Судьбе.

СЕБАСТЬЯН

На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Душа моя!
На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Свой стон тая.

Стоишь, как Себастьян, пронизанный стрелами,
Без сил вздохнуть.
Стоишь, как Себастьян, пронизанный стрелами
В плечо и грудь.

Твои враги кругом с веселым смехом смотрят,
Сгибая лук.
Твои враги кругом с веселым смехом смотрят
На смены мук.

Горит костер, горит, и стрелы жалят нежно
В вечерний час.
Горит костер, горит, и стрелы жалят нежно
В последний раз.

Что ж не спешит она к твоим устам предсмертным,
Твоя мечта?
Что ж не спешит она к твоим устам предсмертным
Прижать уста!

ВИДЕНИЕ

В сумраке вечера ты – неподвижна
В белом священном венце.
В сумраке вечера мне непостижна
Скорбь на спокойном лице.

Двое мы. Сумрак холодный, могильный
Выдал мне только тебя.
Двое мы. Или один я, бессильный,
Медлю во мраке, скорбя?

Смотришь ты строгим и вдумчивым взором...
Это прощанье иль зов?
Смотришь ты в сердце с безгневным укором,
Словно из глуби веков.

Ты ль это? та, перед кем, как пред тайной,
Робко склонялись мечты?
Ты ль это здесь или призрак случайный:
Луч и игра темноты?

Медлю во мраке глухом и глубоком,
Не отзываюсь, скорбя...
Медлю, – ведь если ты послана Роком,
Мне не уйти от тебя!

17 января 1908

БОЙ

Нет, не могу покориться тебе!
Нет, буду верен последней судьбе!

Та, кто придет, чтобы властвовать мной, –
Примет мой вызов на яростный бой.

Словно Брунгильда, приступит ко мне;
Лик ее будет – как призрак в огне.

Щит в ее легкой руке проблестит,
С треском расколется твердый мой щит.

Тщетно свой меч подниму на нее, –
В панцирь мой вражье вонзится копьё.

Шлем мой покатится, грустно звеня.
Вражья рука опрокинет меня.

И, окровавлен, без сил, чуть живой,
Радостно крикну из праха: «Я – твой!»

1907

ЛУННЫЙ ДЬЯВОЛ

Лунный дьявол, бледно-матовые,
Наклонил к земле рога.
Взоры, призрачно-агатовые,
Смотрят с неба на снега,
Словно тихо мир захватывая
В сети хитрого врага.

Руки, тонкой сетью сдавленные,
Без надежд упали ниц,
Реют тени новоявленные,
Словно стаи пестрых птиц.
Вижу вспышки молний, вправленные
В бархат сумрачных ресниц.

Знаю, знаю: крепко скрученного
Опрокинешь ты во мглу,
К синим молниям приученного,
Покоришь глухому злу,
И потом в врага замученного
Кинешь верную стрелу!

Лунный дьявол! Бледно-матовые,
Наклони к земле рога!
Взоры, призрачно-агатовые,
С высоты вонзи в снега,
И меня и мир захватывая
В сеть коварного врага!

Октябрь 1907

LA BELLE DAME SANS MERCI

Я не покрыл лица забралом,
Не поднял твердого щита, –
Я ждал один, над темным валом,
Где даль безмолвна и пуста.
Я звал: «Стрела чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мне предстань во мгле тумана,

La belle dame sans merci!»

Свершал я тайные обряды
Пред алтарем в молчаньи зал.
Прекрасной Дамы без пощады
Я вечный призрак заклинал:
«Явись, как месяц, над печалью,
Мой приговор произнеси,
Пронзи мне сердце верной сталью,
La belle dame sans merci!»

Встречал я лик, на твой похожий,
За ним стремил покорный путь,
Как на костер, всходил на ложе,
Как в плаху, поникал на грудь.
«Сожги меня последней страстью
Иль в строгий холод вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle dame sans merci!»

Но шла ты год за годом, мимо,
Недостижимой, неземной.
Ни разу ты, неумолимой,
Как Рок, не стала предо мной!
Приди, – огнем любви и муки
Во мне все жажды погаси
И погрузи мне в сердце руки,
La belle dame sans merci!

27 ноября 1907

СОНАТЫ

ОБРЯД НОЧИ

Словно в огненном дыме и лица и вещи...
Как хорош, при огнях, огранный хрусталь!..
За плечом у тебя веет призрак зловещий...
Ты – мечта и любовь! ты – укор и печаль!..

Словно в огненном дыме земные виденья...
А со дна поднимаются искры вина,
Умирают, вздохнув и блеснув на мгновенье!..
Ты прекрасна, как смерть! ты, как счастье, бледна!

Слышу говор, и хохот, и звоны стаканов.

Это дьяволы вышли, под месяц, на луг?
Но мы двое стоим в колыханьи туманов,
Нас от духов спасет зачарованный круг.

Ты мне шепчешь. Что шепчешь? Не знаю, не надо.
Умирает, смеясь, золотое вино...
О, тоска твоего утомленного взгляда!
Этот миг безнадежный мне снился давно!

Брызнули радостно
Звуки крикливые.
Кто-то возникший
Машет рукой.
Плакать так сладостно,
Плачу счастливый я.
Рядом – поникший
Лик дорогой!

Гвозди железные
В руки вонзаются,
Счастье распятыя
Душит меня,
Падаю в бездны я.
Тесно сжимаются
Руки, объята,
Кольца огня.

Скрипка визгливая,
Арфа певучая,
Кто-то возникший
Машет рукой.
Плачу счастливый я...
Сладкая, жгучая
Нежность к поникшей,
К ней, к дорогой!

О, святые хороводы, на таинственной поляне,
близ звенящих тихо струй,
Праздник ночи и природы, после сладких ожиданий,
возвращенный поцелуй!

О незнанье! о невинность! робость радостного взгляда,
перекрестный бой сердец!
И слиянье в сказке длинной, там, где боль уже – услада,
где блаженство и конец!

И сквозь сумрачные сети, что сплели высоко буки,
проходящий луч луны,
И в его волшебном свете чьи-то груди, чьи-то руки
беззащитно сплетены!

Но почему темно? Горят бессильно свечи.

Пустой, громадный зал чуть озарен. Тех нет.
Их смолкли хохоты, их отзвучали речи.
Но нас с тобой связал мучительный обет,

Идем творить обряд! Не в сладкой, детской дрожи,
Но с ужасом в зрачках, – извивы губ сливать,
И стынуть, чуть дыша, на нежеланном ложе,
И ждать, что страсть придет, незванная, как тать.

Как милостыню, я приму покорно тело,
Вручаемое мне, как жертва палачу.
Я всех святынь коснусь безжалостно и смело,
В ответ запретных слов спрошу, – и получу.

Но жертва кто из нас? Ты брошена на плахе?
Иль осужденный – я, по правому суду?
Не знаю. Все равно. Чу! красных крыльев взмахи!
Голгофа кончилась. Свершилось. Мы в аду.

1905, 1907

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Она

Я пришла к дверям твоим
После многих лет и зим.
Ведав грешные пути,
Недостойна я войти
В дом, где Счастье знало нас.
Я хочу в последний раз
На твои глаза взглянуть
И в безвестном потонуть.

Он

Ты пришла к дверям моим,
Где так много лет и зим,
С неизменностью любя,
Я покорно ждал тебя.
Горьки были дни разлук,
Пусть же, после жгучих мук,
То же Счастье, как в былом,
Осеняет нас крылом.

Она

Друг! я ведала с тех пор
Все паденья, весь позор!
В жажде призрачных утех
Целовала жадно грех!
След твоих безгрешных ласк
Обнажала в вихре пляск!
Твой делившее восторг
Тело – ставила на торг!

Он

Друг! ты ведала с тех дар,
Как жесток людской укор!
Речью ласковой позволь
Успокоить эту боль;
Дай уста, в святой тоске,
Вновь прижать к твоей руке,
Дай молить тебя, чтоб вновь
Ты взяла мою любовь!

Она

Все бывшее мной давно
До конца осквернено.
Тайны сладостных ночей,
И объятий, и речей,
Как цветы бросая в грязь,
Разглашала я, глумясь,
Посвящала злобно в них
Всех возлюбленных моих!

Он

Что свершила ты, давно
Прощено, – освящено
На огне моей любви!
Душный, долгий сон порви,
Выйди вновь к былым мечтам,
Словно жрица в прежний храм!
Этот сумрачный порог
Все святыни оберег!

Она

Я не смею, не должна...
Здесь сияла нам весна!
Здесь вплетала в смоль волос
Я венок из желтых роз!

Здесь, при первом свете дня
Ты молился на меня!
Где то утро? где тот май?
Отсияло все. Прощай!

Он

Нет, ты смеешь! ты должна!
Ты – тот май и та весна,
Жемчуг утр и роз янтарь!
Ты – моей души алтарь,
Вечно чистый и святой!
И, во прахе пред тобой,
Вновь целую я, без слов,
Пыльный след твоих шагов!

23 ноября 1908

В ЭПИЧЕСКОМ РОДЕ

ЖИЗНЬ

Безликая, она забыла счет обличий:
Подсказывает роль любовнику в бреде,
И коршуна влечет над нивами к добыче,
И гидре маленькой дает дышать в пруду.

В пустыне выжженной встает былинкой смелой,
В ничтожной капельке селит безмерный мир,
Рождает каждый миг, вплетает тело в тело
И семена существ пронесит чрез эфир!

От грозных пирамид и гордых библиотек
До гор, воздвигнутых из ракушек морских,
От криков дикаря, метнувшего свой дротик,
До черного червя, который мудро тих, –

Сверкает жизнь везде, грохочет жизнь повсюду!
Бросаюсь в глубь веков, – она горит на дне...
Бегу на высь времен, – она кричит мне: буду!
Она над всем, что есть; она – во всем, во мне!

О братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!
И жители иных, непознанных планет!
И духи тайные, не кажущие лика!

Мы все – лишь беглый блеск на вечном море лет!

Март 1907

НАДПИСИ К ГРАВЮРАМ

ЗА УТЕСОМ

Плыви, плыви рекой волнистой!
Мы за утесом стережем
И в знойный час, и в вечер мгlistый
С кинжалом, луком и копьем.

Купец богатый, странник скудный,
Из Рима робкий пилигрим, –
Вы все, с отвагой безрассудной,
Скользите лоном голубым!

Сияет солнце, воздух нежит,
Вода, как ясное стекло,
Но визг стрелы мечты прорежет, –
И кормщик выронит весло!

Что юный гость? что путник старый?
Вся жизнь твоя свелась на вскрик!
Сбирай весь год свои товары,
Ты с прибылью простишься вмиг!

Плывите, люди, мимо! мимо!
Вас жизнь влечет, вас манит твердь, –
Но мы вас ждем неумолимо:
Мы – тайна! мы – беда! мы – смерть!

27 февраля 1906

ОСВОБОЖДЕНИЕ

К стене причалил челн полночный,
Упали петли из окна,
И вот по лестнице непрочной
Скользнула с высоты Она.

Дрожа от счастья и тревоги,

За мигом миг следили мы, –
Пока Ее коснулись ноги
До тихо зыблемой кормы!

Я принял, как святыню, в руки
Ее, закрытую фатой.
И весел – были тихи звуки,
И челн – был призрак над водой.

Она не молвила ни слова
И не явила нам лица,
Но громче ропота морского
Стучали сильные сердца!

И, наклоня лица ниже,
Сжав рукояти шпаг своих,
Мы знали все, что ближе, ближе
Час поединков роковых!

3 марта 1906

ВСТРЕЧА

И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.
А. Пушкин

Ты мне предстала как виденье, –
В глазах испуг и смутный стыд.
Мы были рядом на мгновенье,
И встречи жизнь не повторит.

Кто ты? откуда? с кем таилась
В наемной комнате вдвоем?
Куда, под утро, торопилась
С своим стыдливым узелком?

Тебя любовь ли в эти двери
К продажным ложам привела,
И упоили ль в полной мере
Тебя и грех, и страсть, и мгла?

Иль ты пришла сюда за платой,
С тупым отчаяньем в мечтах,
И называла ночь проклятой,
Дрожа без сил в чужих руках?

И, возвращаясь в повседневность,
Домой, меж утренних теней,

Обманешь ли ты мужа ревность
Иль чуткость матери твоей?

20 ноября 1905

МОНАХ

На поле жизненного боя,
Где Рок влечет нас, как самум, –
Душа возжаждала покоя,
Молитв и одиноких дум!

И вот, презрев соблазн свободы
И мира призрачную ширь,
Сошел я под глухие своды,
В твои затворы, монастырь!

Вне стен – и ужас и веселье,
Пиры любви и красоты.
Но здесь хранит ревниво келья
Всегда спокойные мечты.

Я жизни иноческой свято
Блюда определенный чин,
И дни, с восхода до заката, –
Как ряд медлительных годин.

Люблю я благовест рассвета,
Церковной службы череду,
Степенность братского привета,
Ночь, посвященную труду.

Мне хорошо, под буйство бури,
При кротком блеске ночника,
На тщательной миниатюре
Чертить узоры лепестка;

Иль, не спеша слагая главы
И им не ведая конца,
Припоминать о жажде славы,
В миру сжигающей сердца.

31 марта 1906

NOLI ME TANGERE, MARIA*

Прошел печально день субботний,
Сияет небо новым днем,
И в душах всех бесповоротней
Разуверение во всем!

Он говорил: «Как свет зарницы,
Приду, и воззову на суд...»
И вот лежит во тьме гробницы,
И стражи тело берегут.

Но женщин души не устанут,
Как горный ключ, струить любовь:
«Он обманул... иль был обманут...
Но Он страдал и пролил кровь!»

Несут ко гробу ароматы,
Но пустотой зияет он...
И тут же веет слух крылатый,
Что труп врагами унесен.

Тогда, всем горестям услада,
К Марии сходит сам Христос,
Но в нем ей мнится сторож сада, –
Она к нему: «Не ты ль унес...»

И, слыша речи роковые
Не могшей победить искус,
«Noli me tangere, Maria!» –
Ей отвечает Иисус.

Март 1906

*«Не прикасайся ко мне, Мария!» (лат.)

ВИДЕНИЯ

ПОВОЛЬНИК

Здравствуй, буйная ватага, удалых годов друзья!
Вот и снова я – бродяга, вот опять – повольник я!

Я в затворах жил подолгу, выпил чашу рабской доли,
Но я молод – видя Волгу, я могуч – под ветром с воли!

Повинуйтесь, братцы, кличу, становитесь в бранный круг!

Как бывало, на добычу поведу за стругом струг.

Ах, как сладки лязги сабли! как бессильно свищут пули!
Что, удар мой не ослаб ли? голос слышен ли и в гуле?

А теперь дели, что взято! всем по ровну, без греха!
Горстью мерь серебро и золото, а на локоть мерь меха.

Спрятав знатные товары, мы костер зажжем над плесом,
Будут звонко вторить чары нашим песням стоголосым;

А когда луна остудит волны Волги и песок,
Всем по очереди будет с полоняночкой часок!

20 мая 1907

РУСАЛКА

Она, свои скрывая груди
И лоно зыбким тростником,
На мир, где колдовали люди,
Смотрела из реки тайком.

Ей был понятен их веселий
И их забот вседневный строй, –
Призыв пастушеской свирели,
Костер рыбачий под горой.

Она любила хороводы
И песни дев издадека,
Когда ложилась мгла на воды
И стыла темная река.

А в день осенних водосвятий,
Из-под воды едва видна,
Как речь таинственных заклятий,
Молитвы слушала она.

Когда же рой детей, купаясь,
Шнырял по вспугнутой реке,
Она звала их, откликаясь
На непонятном языке.

Но, видя проходящих парней,
Вечеровой порой, в тиши,
Еще нежней, еще коварней
Смеялась, зыбля камыши.

1907

САМОУБИЙЦА

Картина для синематографа

Томный, стройный, строгий, грустный,
Кто ты: горец иль стрелок?
Мост согнулся неискусный
Через вспененный поток.

Что таким пристрастьем тянет
Твой, к воде склоненный, взор?
Схватит, свяжет и обманет
Волн излучистый узор.

Ты прорстер, уйти не смея,
Руки к пенистой судьбе.
Но из пены Лорелея
Подымает взор к тебе.

Тихо смотрит, тихо плачет,
Клонит голову в венке,
И стыдливо горе прячет
В буйно вспененной реке.

Что ты шепчешь? Кто услышит?
«Жизнь грустна. Грустнее смерть».
На мосту пустом колышет
Ветер сломанную жердь.

16 ноября 1907

ГОЛОС МЕРТВОГО

На заре вечерней, в трауре,
Ты куда спешишь, девица?
Соловей свистит на яворе,
Месяц в озеро глядится.

Ты бледна на старом кладбище,
Над моим крестом склоненным.
Ах, не здесь, не здесь свой клад ищи:
Кто-то ждет в саду, под кленом!

Слез мне жаль, печально тающих
На земле, на сером камне!

Стань счастливой, стань сияющей, –
Будешь более верна мне!

Если б вышел из могилы я,
Праздником всю жизнь я б сделал,
Целовал улыбки милые,
Только б счастье ласки ведал!

Что здесь? гроб, да прах, да тление!
А кругом, сквозь смерть, я чую
Все веселие весеннее,
Волю бабочек живую,

Радость луга, расprostертого
Под лучами солнца ясного...
Помни, помни голос мертвого:
Лишь одно люби – прекрасное!

1906

ПОБЕГ ПАСТУХА

На этой ели благосклонной
Покойся, ветхая свирель!
С тобой я пел и хмель влюбленный,
И вечер, страстью опаленный,
И душу бури, и апрель.

Но тщетно грезы ожидали
Найти усладу в звуках тех.
Они молили и рыдали,
Но в тайне дум сияли дали
Иных скорбей, иных утех.

Простите, лилии долины!
Речная зыбь! стада овец!
Туда, где горы-исполины,
Где гул лавин, где лет орлиный,
Идет задумчивый певец.

Гость молчаливый, бессловесный,
Вхожу, Природа, в замок твой
И буду, со скалы отвесной,
В долине видеть дар безвестный;
Свирель на ели вековой.

1908

СТИХИ НА ИЗРАЗЦАХ

Иду скоро в дом свой я,
Путь мой проторен.
Ждет меня любовь моя,
Про меня ей сон.

Я люблю ее весьма,
Жизнь моя – любовь,
Разлучила нас зима,
Весна сблизит вновь.

Светло солнце по весне,
Красен маков цвет.
До цветов охота мне,
Я нарву букет.

К ней приду с букетом я,
С розой полевой,
Ей скажу: «Любовь моя,
Я до гроба твой!»

Февраль 1907

ЖАЛОБА ГЕРОЯ

Нас немного осталось от грозного племени
Многомощных воителей, пливших под Трою,
И о славном, о страшном, о призрачном времени
Вспоминать в наши дни как-то странно герою.

Агамемнон погиб под ударом предательства,
Оилеев Аянт сгинул в синей пучине,
Теламонид упал в черный вихрь помешательства,
А Патрокл и Ахилл вечно спят на чужбине!

Где друзья моих дней? – Одиссей многомысленный
Благородно дряхлеет в ничтожной Ифаке,
Тевкр бежал и покинул народ свой бесчисленный,
Сын Тидея на западе скрылся во мраке.

И когда мы порой, волей Рока, встречаемся,
Мы, привыкшие к жизни среди малых, бесславных,
Как враги, друг на друга, грозя, ополчаемся,
Чтоб потешить свой дух поединком двух равных!

1907

ТРИУМФАТОР

Мое чело в последний раз
Венчал сегодня лавр победный,
На колеснице заповедной,
Ловя лучи на панцирь медный,
Вступил я в Рим в веселый час.

Народ в восторге выл; друзья
Моей завидовали доле;
За мной влеклись цари в неволе;
По Via Sacra, в Капитолий,
Для пышных жертв проехал я.

Но вот, когда, венец кляня,
Я подступил к телице белой –
Нож задрожал в руке умелой,
Как тайный знак, что отлетела
Богиня Нике от меня.

Мой взор на миг покрылся тьмой,
И был мне внятен голос бога:
«Венец и пурпурная тога
Довлеет смертным. Слишком много
Кто волит, – против вызов мой!»

Что ж, подниму ль ярмо судьбы?
Нет! от копья лица не скрою!
Трубите, трубы, снова к бою!
И пусть в парфянском стане мною,
Как пленным, тешатся рабы!

3 января 1908

ЖЕНЩИНЫ

ЗАКЛИНАНИЕ

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!
Красный огонь, взвейся в темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

Лживую куклу, в цепи золотой,
Лживую куклу пронзаю иглой,
Лживую куклу, в цепи золотой!

Лик восковой, обращенный ко мне,
Лик восковой оплывает в огне,
Лик восковой, обращенный ко мне!

Сердце твое, не кумир восковой,
Сердце твое я пронзаю иглой,
Сердце твое, не кумир восковой!

Вся твоя жизнь, наяву, не во сне,
Вся твоя жизнь погибает в огне,
Вся твоя жизнь, наяву, не во сне!

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!
Красный огонь, взвейся в темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

1 июня 1907

ОЖИДАНИЕ

Первый голос

Пусть воск прозрачный топится,
Пусть милый друг торопится
На том лихом коне
Из стран чужих ко мне.

Второй голос

Пусть желтый воск не топится,
Пусть милый не торопится,
Не ждать добра ему
В своем родном дому.

Первый голос

На груди распаленные
Лью масла благовонные.
Услышь их аромат,
Лети ко мне назад.

Второй голос

На груди распаленные
Лью масла благовонные.
Ах! сквозь ночную тишь
Их запах не прослышь!

Первый голос

Упав в постель пуховую,
Срываю ризу новую.
Когда ж, как юный бог,
Ты станешь на порог?

Второй голос

Упав в постель пуховую,
Срываю ризу новую,
Но в тайне темноты
Войдешь не ты! не ты!

Первый голос

Пусть воск прозрачный топится,
Пусть милый мой торопится,
Тяну я руки в ночь,
Мне больше ждать невмочь!

Второй голос

Пусть милый не торопится,
Пусть в омуте утопится, –
Не видеть бы ему
Греха в своем дому!

29 октября 1908

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ ДЕВУШЕК

Wann wird die Stunde kommen,
Das einer mich genommen,
Und mein Braut-Bett knackt!
Volhslied

Придет, как час настанет,
Любимый мой, и станет
Кровать моя трещать!

Сини все проталины
Под ногой весны.
Солнцем мы ужалены,
Ветром мы пьяны!
С воздухом вливается
В нас апрельский хмель...
Скоро ль закачается
Девичья постель!

Чу! поет над водами
Вешних мошек рой.
Время – хороводами
Виться под горой.
Песнями и плясками
Время – ночь вспугнуть...
Ах, когда ж под ласками
Побледнеет грудь!

Словно в церкви статуя,
Мы зимой весь день.
Скоро, лиловатая,
Зацветет сирень,
Скоро куст шиповника
Будет весь в цветах...
Ах! когда ж любовника
Встречу я впотьмах!

1907

УГОЛЕК

Солнца уголь кругло-красный
Бросил отблеск на снега.
Мальчик скромный, мальчик страстный,
Я ль сурова? я ль строга?

Я – как этот мрамор белый,
Ты – в камине уголек.
Мальчик робкий, мальчик смелый,
Что ж ты медлишь там, у ног?

Уголь к углю тянет губы,
Шепчет огненную речь.
Мальчик милый! – почему бы
Телу к телу не прилечь!

Шторой скроем окна эти,
Пусть не видит нас закат.
Но смотри: при красном свете
Груды радостней дрожат!

Солнца уголь кругло-красный
Канет в сумрак роковой...
Уголь-мальчик, мальчик страстный,
Обожги меня собой!

Март 1907

НАША ТЕНЬ

Наша тень выростала в длину тротуара
В нерешительный час догоравшего дня.
И лишь уголья тлели дневного пожара,
В отдаленьи, за нами – без сил, без огня.

Наша тень подымалась на стены строений,
То кивала с простенков, то падала вновь
И ловила мои утомленные пени, –
Что костер догорел, что померкла любовь.

Засветились огни; наша тень почернела;
Отбегала назад и росла впереди,
Угадала, как я прошептала несмело:
«Если больше не любишь, так что ж, – уходи!»

Ослепил нас фонарь сине-газовым светом,
И, растаяв внезапно у ног без следа,
Наша тень засмеялась над тихим ответом,
Над неожиданным ответом: «Прощай навсегда!..»

2-3 апреля 1906

В ТОМ ЖЕ ПАРКЕ

Здравствуй, листик, тихо падающий,
Словно легкий мотылек!
Здравствуй, здравствуй, грустью радующий,
Предосенний ветерок!

Нежно гаснет бледно-палевая
Вечереющая даль.
Словно в лодочке отчаливая,

Уношусь в мою печаль.

Ясно гаснет отуманенная
Заводь сонного пруда,
Сердце, словно птица раненая,
Так же бьется, как тогда.

Здесь, вот здесь, в стыдливой длительности
Слили мы уста в уста.
Как же нет былой действительности?
Он не тот? иль я не та?

Выхожу в аллею липовую,
Где сказал он мне: «Я твой!..»
И не плачу, только всхлипываю,
Шелестя сухой листвой.

Но не длить мечту застенчивую
В старый парк пришла я вновь:
Тихой грустью я увенчиваю
Опочившую любовь!

12-13 апреля 1906

В ГОРОДЕ

ГОЛОС ГОРОДА

(терцины)

Когда я ночью, утомлен, иду
Пустынной улицей, и стены сонны,
И фонари не говорят в бреду,

И призраки ко мне не благосклонны, –
В тиши холодной слышится порой
Мне голос города, зов непреклонный:

«Ты, озабочен, здесь спешишь. Другой –
На ложе ласк, в смешном порыве, выгнут,
В притоне третий, скорчен за игрой.

Но жив – лишь я и, вами не постигнут,
Смотрю, как царь, в безмолвие ночей.
Ты думаешь, что вами я воздвигнут?

Нет! люди – атомы в крови моей;
И, тела моего живые клетки,
Дома – тяну я в глубину полей.

Как птицам лес дарит весною ветки,
Свое богатство отдаю вам я,
Но раньше им владели ваши предки.

Не равны мы на скале бытия:
Вам жить – года, а мне – ряды столетий!
Шумя, теснится городов семья.

Когда ж и я свершу свой подвиг, дети,
Не вам я завещаю пышный прах,
Все, что хранят ревниво зданья эти.

Есть братья у меня в иных краях:
Мои богатства, как из недр могильных,
Пусть вырвут, и замкнут в своих стенах,

И над людьми смеются смехом сильных!»

3 января 1907

ГОРОДУ

Дифирамб

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты – чарователь неустанный,
Ты – не слабеющий магнит.

Драконом, хищным и бескрылым,
Засев – ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта, –
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,

Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов – орду,
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных залах
Хохочет огненный Разврат,
И нежно пенится в бокалах
Мгновений сладострастных яд, –

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам поднимаешь над собой.

Январь 1907

ВАЛ

Неверная, обманчивая ясность
Искусственного света
И музыки изнеженная страстность –
Зов без ответа.

Мельканье плеч, причесок, аксельбантов,
Цветов и грудей,
Шелк, вспышки золота и бриллиантов
На изумруде.

И тихий лепет, трепет волн безвольных,
Кружащих пары,
И словно зовы звонов колокольных
Смычков удары.

И тела к телу близость, приближенье,
Яд аромата,
Забвенье, и круженье, и движенье,
Вдаль, без возврата.

И нити, чары дряхлого соблазна,

С лицом змеиным,
Что вяжут, вяжут души неотвязно,
Как серпантинном...

1907

УЛИЧНАЯ

Свищет вполголоса арии,
Блеском и шумом пьяна,
Здесь, на ночном тротуаре,
Вольная птица она!

Детски балуется с локоном,
Вьющимся дерзко к глазам,
То вдруг наклонится к окнам,
Смотрит на радужный хлам.

Вот улыбнулась знакомому
Всем ожерельем зубов!
Вот, подмигнув молодому,
Бросила несколько слов.

Кто-то кивнул необдуманно,
К ней наклонился, – и вот
Вместе смеется он шумно,
Рядом, волнуясь, идет.

Словно громадное зеркало,
Их отразило окно,
И отраженье померкло,
Канув на темное дно.

1906, 1907

ВЕЧЕРНИЙ ПРИЛИВ

Кричат афиши, пышно-пестрые,
И стонут вывесок слова,
И магазинов светы острые
Язвят, как вопли торжества.

Там спят за стеклами материи,
Льют бриллианты яркий яд,
И над звездой червонцев – серии
Сияньем северным горят.

Прорезан длинными колодцами
Горящих улиц, – город жив,
Киша бесчисленными уродцами,
Вечерний празднует прилив.

Скрыв небеса с звездами чуткими,
Лучи синеют фонарей –
Над мудрецами, проститутками,
Над зыбью пляшущих людей.

Кадрилей нарушая линии,
Меж пар кружащихся – звеня,
Трамваи мечут молнии синие,
Автомобили – снопы огня.

Позор, под музыку колесную,
Вознес смычок, как дирижер,
И слил толпу многоголосную
В единый и священный хор:

«Мы славим, Прах, Твое Величество,
Тебе ведем мы хоровод,
Вкруг алтарей из электричества,
Вонзивших копыта в небосвод!»

Апрель-декабрь 1906

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ

ХВАЛА ЧЕЛОВЕКУ

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещей молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних вольных Океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов,

И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь несытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств, —

Но, отважный, со стихией
После бьешься с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил, —

И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

1 декабря 1906

ОРЫ

Устремив друг к другу взоры,
В пляске двигаясь вперед,
Вы ведете – оры! оры! –
Свой священный хоровод.

В ночь глухую – слух, склоненный
К безответной бездне снов,
Слышит топот потаенный
Ваших маленьких шагов.

Солнце встанет, снова канет
В неизбежность новый день.
Ваша пляска не устанет
Обгонять и свет и тень.

Мы, дыша мечтой блаженной,
Сном работы, ядом книг,
В душевной кузнице вселенной
Все куем за мигом миг.

И, скользя тропой столетий
Мимо жизни, мимо нас,
Ловко ловите вы в сети
Каждый выкованный час.

Стойте! стойте! на мгновенье
Дайте бездну оглянуть!
– Плавны легкие движенья
Дев, свершающих свой путь!

В них безвольность, в них беспечность,
Взор их благостен и тих!
Что ж? они ль пропляшут вечность,
Иль она – поглотит их?

1905, 28 августа 1906

ГЕСПЕРИДОВЫ САДЫ

Где-то есть, за темной далью
Грозно зыблемой воды,
Берег вечного веселья,
Незнакомые с печалью

Гесперидовы сады.

Жизнь отдай во власть теченья,
И оно прибьет твой челн
Там, где, словно ожерелья,
Многоцветные каменья
Поднялись над пеной волн.

Девы, благостно нагие,
Опустив к земле глаза,
Встретят странника, как друга,
Уведут тебя в густые,
Светлоствольные леса.

Там, где клонит тиховойно
Ветви древние платан,
Заслоня солнце юга, –
В голубых струях бассейна
Ты омоешь язвы ран.

Юный, сильный и веселый,
Ты вплетешься в хоровод,
Чтобы в песнях вековечных
Славить море, славить доли
И глубокий небосвод.

Освежив, в тени утеса,
Грудь из мраморных цистерн,
Ты, в рядах друзей беспечных,
Вновь помчишься вдоль откоса,
Обгоняя легких серн.

Ты меж лиц, мелькнувших в пляске,
Нежно выберешь лицо;
И тебе – рукопожатье,
С обещаньем сладкой ласки,
Передаст, таясь, кольцо.

Встанет сумрак. Из бокала
Брызнет нектар золотой.
В чьи-то жданные объятья,
И покорно и устало,
Ты поникнешь головой.

2 августа 1906

ДЕДАЛ И ИКАР

Дедал

Мой сын! мой сын! будь осторожен,
Спокойней крылья напрягай,
Под ветром путь наш ненадежен,
Сырых туманов избегай.

Икар

Отец! ты дал душе свободу,
Ты узы тела разрешил.
Что ж медлим? выше! к небосводу!
До вечной области светил!

Дедал

Мой сын! Мы вырвались из плена,
Но пристань наша далека:
Под нами – гривистая пена,
Над нами реют облака...

Икар

Отец! Что облака! Что море!
Удел наш – воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в даях без границ!

Дедал

Мой сын! Лети за мною следом,
И верь в мой зрелый, зоркий ум.
Мне одному над морем вedom
Воздушный путь до белых Кум.

Икар

Отец! К чему теперь дороги!
Спешి насытить счастьем грудь!
Вторично не позволят боги
До сфер небесных досягнуть!

Дедал

Мой сын! Не я ль убор пернатый
Сам прикрепил к плечам твоим!
Взлетим мы дважды, и трикраты,

И сколько раз ни захотим!

Икар

Отец! Сдержать порыв нет силы!
Я опьянел! я глух! я слеп!
Взлетаю ввысь, как в глубь могилы,
Бросаюсь к солнцу, как в Эреб!

Дедал

Мой сын! мой сын! Лети серединой,
Меж первым небом и землей...
Но он – над стаей журавлиной,
Но он – в пучине золотой!

.....

О юноша! презрев земное,
К орбите солнца взнесся ты,
Но крылья растопились в зное,
И в море, вечно голубое,
Безумец рухнул с высоты.

1 апреля 1908

ОДИССЕЙ

Певцами всей земли прославлен
Я, хитроумный Одиссей,
Но дух мой темен и отравлен,
И в памяти гнездится змей.

Я помню день – как щит лазурный,
И зелень вод, и белость пен,
Когда стремил нас ветер безбурный
К нагому острову сирен.

Их угадав на камне плоском
И различив прибрежный гул, –
В руках согретым, мягким воском
Я слух товарищей замкнул.

Себя же к мачте корабельной
Я дал покорно привязать,
Чтоб песни лирной и свирельной
Соблазн опасный испытать.

И все мечта предугадала!
Когда в тиши морских пустынь,
Вонзая сладостные жала,
Песнь разлилась полубогинь, –

Вдруг уязвленный мукой страстной,
С одной мечтой – спешить на зов,
Из тесных уз рвался напрасно
Я, доброволец меж рабов!

И наш корабль пронесся мимо,
Сирены скрылись вдалеке,
Их чар избег я невредимо...
Но нет конца моей тоске!

Зачем я был спокойно-мудрым,
Провидел тайны вод седых,
Не вышел к девам темнокудрым
И не погиб в объятьях их!

Чтоб вновь изведать той отравы,
Вернуть событий колесо,
Я отдал бы и гимны славы,
И честь, и ложе Калипсо!

1907

ЭНЕЙ

К встающим башням Карфагена
Нептуна гневом приведен,
Я в узах сладостного плена
Дни проводил, как дивный сон.

Ах, если боги дали счастье
Земным созданиям в удел,
В те дни любви и сладострастья
Я этой тайной овладел!

И быть всю жизнь в такой неволе, –
Царицы радостным рабом, –
Душе казалось лучшей долей
И всех былых трудов венцом!

И ночь была над сонным градом...
Был выпит пламенный фиал...
В тиши дворца, с царицей рядом,
На ложе царском я дремал.

Еще я помнил вздохи, стоны,
Весь наш порыв – в неясном сне, –
И грудь горячая Дидоны
Все льнула трепетно ко мне...

И вот – внезапный свет сквозь тени,
И шелест окрыленных ног.
Над ложем сумрачным – Циллений
Склоняет посох, вестник-бог.

«Внемли, вещает, сын богини!
Ты медлишь, но не медлит Рок!
Ты избран был хранить святыни,
И подвиг твой, в веках, высок.

Земная страсть да спит в герое!
Тебе ль искать ливийских нег,
Когда ты призван – Новой Трои
Взрастить торжественный побег?

Узнай глаголы Громовержца:
Величью покорись, плыви
К пределам Итала, – из сердца
Исторгнув помыслы любви!»

Виденье скрылось, как зарница,
И голос замер, как мечта.
Сквозь сон, открыв глаза, царица
Ко мне приподняла уста...

Но я, безумный, с ложа прынул,
Я отвратил во тьму глаза.
И утром трубный голос грянул,
И флот наш поднял паруса.

Сентябрь 1908

ПРИВЕТСТВИЯ

К МЕДНОМУ ВСАДНИКУ

В морозном тумане белеет Исакий.
На глыбе оснеженной высится Петр.
И люди проходят в дневном полумраке,
Как будто пред ним выступая на смотр.

Ты так же стоял здесь, обрызган и в пене,
Над темной равниной взмутившихся волн;
И тщетно грозил тебе бедный Евгений,
Охвачен безумием, яростью полн.

Стоял ты, когда между криков и гула
Покинутой рати ложились тела,
Чья кровь на снегах продымилась, блеснула
И полюс земной растопить не могла!

Сменяясь, шумели вокруг поколенья,
Вставали дома, как посевы твои...
Твой конь попирал с беспощадностью звенья
Бессильно под ним изогнутой змеи.

Но северный город – как призрак туманный.
Мы, люди, проходим, как тени во сне.
Лишь ты сквозь века, неизменный, венчанный,
С рукою простертой летишь на коне.

*24-25 января 1906
Петербург*

КАРЛ XII

Памятник в Стокгольме

Ты в древних сагах был предсказан,
Последний викинг, вождь-герой!
Мечтой веков миропомазан
За Север на смертельный бой!

Ты принял беспощадный вызов,
Поверив в помощь тайных сил,
Свой подвиг, сана не унижив,
Как Рыцарь Полюса свершил.

И пусть, обманут зовом славы,
Ты дерзко жребии метал,
Пусть на пустых полях Полтавы
Судьбу столетий проиграл, –

Но сны заветные народа
В тебе свой образ обрели,
Сны духовидца, морехода,
Завоевателя земли!

Стоишь ты, призрак древней саги,
В своей столице над толпой

И вдохновенным взмахом шпаги,
Как прежде, манишь за собой.

Мне, гостю с вражьего Востока,
Склониться пред тобой дозволю,
Игрок безумный в кости Рока,
Венчанный Полюсом король!

Сентябрь 1906
Stockholm

К СОБОРУ КЕМПЭРА

Я был разорван мукой страстной,
Язвим извилистой тоской,
Когда безмерный, но безгласный
Во тьме ты вырос предо мной.

Созданье канувших столетий!
Вонзая в небо две иглы,
Ты встал при тихом звездном свете
Как властелин окрестной мглы.

Моим мечтам, всегда тревожным,
Моей бессильной воле – ты
Сказал без слов о невозможном
Слияньи силы и мечты!

Меня сдавил ты, неотступный,
Всею тяжестью былых времен,
И был я, жалкий и преступный,
Твоим величием обличен!

И вот – бродяга безымянный
На темной площади поник
Перед тобой, старик венчанный,
Как пред Изидой ученик.

1/14 сентября 1908
Quimper

ОПЯТЬ В ВЕНЕЦИИ

Опять встречаю с дрожью прежней,
Венеция, твой пышный прах!
Он величавей, безмятежней

Всего, что создано в веках!

Что наших робких дерзновений
Полет, лишенный крыльев! Здесь
Посмел желать народный гений
И замысл свой исчерпать весь.

Где грезят древние палаты,
Являя мраморные сны,
Не горько вспомнить мне не сжатый
Посев моей былой весны,

И над руиной Кампаниле,
Венчавшей прежде облик твой,
О всем прекрасном, что в могиле,
Мечтать с поникшей головой.

Пусть гибнет все, в чем время вольно,
И в краткой жизни, и в веках!
Я вновь целую богомольно
Венеции бессмертный прах!

1 августа 1908
Venezia

НА ФОРУМЕ

Не как пришлец на римский форум
Я приходил – в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.

И, как во сне родные тени,
Встречал я с радостной тоской
Базилик рухнувших ступени
И плиты древней мостовой.

А надо мною, как вершина
Великих, пройденных веков,
Венчали арки Константина
Руину храмов и дворцов.

Дорог строитель чудотворный,
Народ Траяна! Твой завет,
Спокойный, строгий и упорный,
В гранит и мрамор здесь одет.

Твоих развалин камень каждый
Напоминает мне – вести

К мете, намеченной однажды,
Среди пустынь свои пути.

Август 1908
Лота

НАД ОКЕАНОМ

ОТЛИВ

Волной, как щупальцем огромным,
Ты осязаешь землю. Ночь
Темнеет над тобою, темным,
Но ты, с лобзаньем скорбно-скромным,
От смуглых скал отходишь прочь.

Громадный, страшный, всемогущий!
Ты кроешь грозный вид лица.
От века и донныне сущий,
Ты, этой ночью, – бард, поющий
О тихой сладости конца.

Я вижу: древние граниты
Разбиты ревностью твоей.
Я знаю: пьяный и сердитый,
Ты мечешь каменные плиты,
Как речка груды гольшей.

Но зов отлива полон ласки,
Сквозь сумрак манит и томит,
И я готов, поверив сказке,
Бежать к тебе, вмешаться в пляски
Твоих бессмертных nereid.

Сентябрь 1908

ПРИЛИВ

Пробил час. Ты вновь безволен,
Вновь, взыграв, бежишь к земле.
Обезличен, обездолен,
Беспощадной страстью болен,
Тяжкой грудью льнешь к скале.

Что ты хочешь, дикий, пьяный
Лаской бешеных зыбей?
Что крутишь песок багряный?
Что вонзаешь зубы в раны

Ты – возлюбленной своей?

Громоздя на стены стены,
Рушишь ты за валом вал.
Но, всегда страшась измены,
Покрывалом белой пены
Кроешь плечи смуглых скал.

Поспешив, с протяжным ревом,
В их объятия вновь упасть,
Ты встаешь, с усилием новым,
Все несытым, все готовым
Утолять глухую страсть.

Стой! Без сил и без движенья
Вся земля – как труп немой.
Что ж ты, в буйстве вождельня,
Мечешь ей в лицо камня
И крушишь ее собой!

*29 сентября 1908 (по новому ст.)
Saint Jean de Luz*

СОВРЕМЕННОСТЬ

СЛУЖИТЕЛЮ МУЗ

Свой хор заветный водят музы
Вдали от дольных зол и бед,
Но ты родные Сиракузы
Люби, как древле Архимед!

Когда бросает ярость ветра
В лицо нам вражки знамена, –
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспех на рамена!

И если враг пятой надменной
На грудь страны поникшей стал, –
Забудь о таинствах вселенной,
Поспешно отточь кинжал!

Священны миги роковые,
В порыве гнева тайна есть,
И лик склоняет Урания,
Когда встает и кличет Мечь!

Пусть боги смотрят безучастно
На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

1 сентября 1907

ФЛОРЕАЛЬ 3 ГОДА

Первый голос

Отзвенели дни зимы,
Вновь лазурью дышим мы,
Сердцу сердца снова жаль, —
Манит сладкий флореаль!
Выходи, желанный друг,
За фиалками на луг.

Другой

В черной буре наших дней
Быть нам вспышками огней!
Нам во вражеских рядах
Сеять смерть и сеять страх!
Кратки сроки, труд велик,
Стоит века каждый миг!

Первый голос

Ах! не жизнь ли коротка?
Ломок стебель василька;
Как волна, неверен день...
Там, где ива клонит тень,
Мы, сокрытые вдвоем,
Губы юные сомкнем!

Другой

Новый мир – как страшный сон
Пред столетьями зажжен!
Дуб и кедр с высоких гор
Повергаем мы в костер!
Словно углю, дай и мне
Вспыхнуть в яростном огне!

29 января 1907

ДУХ ЗЕМЛИ

Schreckliches Gesicht.
Goethe

Ужасный лик.
Гете (нем.).

В порыве скорби и отваги
Тебя, о мощный Дух Земли,
Мы, как неопытные маги,
Неосторожно заклинали.

Ты встал, громаден и ужасен,
На гордый зов, на дерзкий клик,
Так ослепительно прекрасен
И так чудовищно велик!

Ступил – и рухнули громады
Хранимых робко городов;
Дохнул на толпы, без пощады, –
И смел безумных гордецов.

Ты наше маленькое знамя
Взнес безжалостной рукой,
Чтоб с ним, под гром, скрутилось пламя
В полете тучи грозовой.

Ты озарил нам глубь столетий,
И там, за дымом и огнем,
Открылось нечто в рдяном свете,
Как странный сон в краю ином.

И вот, отпрянув, мы трепещем,
Заклятья повторяя вслух:
Да остановим словом вещим
Тебя, – неукротимый Дух!

5 июля 1907

НАШ ДЕМОН

Ἀπάντι δαίμων ἀνδρῖ.
Μένανδρος

У каждого человека свой демон.
Менандр (греч.).

У каждого свой тайный демон.
Влечет неумолимо он
Наполеона через Неман
И Цезаря чрез Рубикон.

Не демон ли тебе, Россия,
Пути указывал в былом, –
На берег Сити в дни Батгя,
На берег Дона при Донском?

Не он ли вел Петра к Полтаве,
Чтоб вывести к струям Невы,
И дни Тильзита, дни бесславья,
Затмил пыланием Москвы?

Куда ж теперь, от скал Цусимы,
От ужаса декабрьских дней,
Ты нас влечешь, неодолимый?
Не видно вех, и нет путей.

Где ты, наш демон? Или бросил
Ты вверенный тебе народ,
Как моряка без мачт и весел,
Как путника в глуши болот?

Явись в лучах, как страж Господень,
Иль встань, как призрак гробовой,
Но дай нам знак, что не бесплоден
Столетий подвиг роковой!

1908

КОМУ-ТО

Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!
Спеши! настал последний час!
Корабль исканий в гавань прибыл,
Просторы неба манят нас!

Над поколением пропела
Свой вызов пламенная медь,
Давая знак, что косность тела
Нам должно волей одолеть.

Наш век вновь в Дедала поверил,

Его суровый лик вознес
И мертвым циркулем измерил
Возможность невозможных грез.

Осуществители, мы смеем
Ловить пророчества в былом,
Мы зерна древние лелеем,
Мы урожай столетий жнем.

Так! мы исполним завещанье
Великих предков. Шар земной
Мы полно примем в обладанье,
Гордясь короной четверной.

Пусть, торжествуя, вихрь могучий
Врезают крылья корабля,
А там, внизу, в прорывах тучи,
Синеет и скользит земля!

2 сентября 1908

ПОСЛАНИЯ

М. А. ВРУБЕЛЮ

От жизни лживой и известной
Твоя мечта тебя влечет
В простор лазурности небесной
Иль в глубину сапфирных вод.

Нам недоступны, нам незримы,
Меж сонмов вопиющих сил,
К тебе нисходят серафимы
В сияньи многоцветных крыл.

Из теремов страны хрустальной,
Покорны сказочной судьбе,
Глядят лукаво и печально
Наяды, верные тебе.

И в час на огненном закате
Меж гор предвечных видел ты,
Как дух величий и проклятий
Упал в провалы с высоты.

И там, в торжественной пустыне,

Лишь ты постигнул до конца
Простертых крыльев блеск павлиний
И скорбь эдемского лица!

9 января 1906

З. Н. ГИПШИУС

Твои стихи поют, как звучный
В лесу стремящийся ручей;
С ним незабудки неразлучны
И тени зыбкие ветвей.

Порой, при месяце, глядится
В него косматый лесовик,
И в нем давно купать копытца
Чертенок маленький привык.

Однажды в год, в святой сочельник,
Сияет ангел надо льдом,
И скачут зайцы через ельник,
Испуганы живым лучом.

Не всем, быть может, внятн ропот
В лесу звенящих, тихих струй:
Их заглушает жизни топот,
Как битвы, страстный поцелуй.

Но в вечных далях не устанет
Земля чертить круги орбит.
И много песен в бездну канет,
И много шумов отзвучит.

И новым людям, в жизни новой,
Как нынче, ясен и певуч,
Все будет петь, за мглой еловой,
Твоих стихов бессмертный ключ!

И будет лесовик, как прежде,
Глядеться в зеркале его,
И ангел, в пламенной одежде,
Над ним сиять под рождество!

4 декабря 1909

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Нас не призвал посланник Божий
В свой час, как братьев, от сетей,
И долго были непохожи
Изгибы наших двух путей.

Ты был безумием и верой
На высь Фавора возведен;
Как Данте, яростной пантерой
Был загнан я на горный склон.

Но на высотах, у стремнины,
Смутясь, мы встретились с тобой.
Со мною был – мой жезл змеиный,
С тобой – твой посох костяной.

И в темный путь пошли мы рядом...
Но кто-то третий близко был.
Палящей страстью, жгучим ядом,
Он нашу, душу опалил.

И – помню – кроя в сердце муку,
Как смертный, впившийся кинжал,
Братоубийственную руку
Я на поэта подымал...

И что ж! на пламени сомненья,
Что злобно зыблила вражда,
Сковались тайной цепи звенья,
Нас соединившей навсегда.

Я, в миги страшные, измерил
Твоих безумий правоту,
И ты, восторженный, поверил
В мою спокойную мечту.

Пойдем ли дальше в путь единый,
Иль каждому – удел иной,
Тебе дарю я жезл змеиный,
Беру твой посох костяной.

День ярко гаснет на откосах,
Клубится сумрак по земле.
Да будет мне твой белый посох
Путеводителем во мгле!

1909

(акrostих)

Мгновенья льются, как поток бессленный,
Искусство – радугой висит над ним.
Храни, храни, под ветром мировым,
Алтарь своей мечты, огонь священный!

И пусть твой стих, и пламенный и пленный,
Любовь и негу славит. Мы спешим
Улыбчивым созданиям твоим,
Как божествам, сплести венок смиренный,

Умолкли шумы дня. Еще размерней
Звучит напевный гимн в тиши вечерней,
Мелькают лики, вызваны тобой.

И мы, о мусает, как пред святыней,
Невольно клонимся, – и к тверди синей,
Увенчан, ты возносишь факел свой.

24 декабря 1908

РАВНОМУ

Ответ на его послание

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал.
Е. Баратынский

Нет, не бойся слов враждебных,
Вольных вызовов к борьбе,
В гуле выкриков хвалебных,
В царство грез твоих волшебных,
Вдруг домчавшихся к тебе!

Хорошо, что в нашем мире
Есть, кого в борьбу вовлечь,
Что другой, как ты, в порфире,
Что нас двое на турнире,
Что на меч ответит меч!

Опусти свое забрало,
Ладь оружие свое:
Это – боя лишь начало,
Это только простучало
Затупленное копьё!

22 марта 1906

ВОССОЗДАТЕЛЮ

Вяч. Иванову

Спокойный взор вперив в обломок
Изваянного лика, – ты,
Друидов сумрачных потомок,
Постиг разбитые черты.

Коснувшись мрамора немого
Своим магическим жезлом,
Ему вернул ты силу слова,
Былую жизнь затеплил в ном.

Ты стройность дал бессвязным грудам,
В безликом облик угадал,
И – чудотворец! – этим чудом
Мое создание оправдал!

1909

ВСТРЕЧНОЙ

Они не созданы для мира.
М. Лермонтов

Во вселенной, страшной и огромной,
Ты была – как листик в водопаде,
И блуждала странницей бездомной,
С изумленьем горестным во взгляде,

Ты дышать могла одной любовью,
Но любовь таила скорбь и муки.
О, как быстро обагрялись кровью
С нежностью протянутые руки!

Ты от всех ждала участия – жадно.
Все обиды, как дитя, прощала,
Но в тебя вонзались беспощадно
Острые, бесчисленные жала.

И теперь ты брошена на камни,
Как цветок, измолотый потоком.
Бедная былинка, ты близка мне, –

Мимо увлекаемому Роком!

Сентябрь-ноябрь 1907

Е. Т.

Кто глаза ее оправил
В завлекательный магнит?
Вместо сердца камень вставил,
Желтый камень хризолит?

И когда в блестящем зале,
Взор склонив, скользит она, —
Словно искрится в бокале
Ледяной огонь вина!

Смех ее — что звонкий голос
Разыгравшихся дриад.
Как на колос спелый колос,
Косы сложены назад.

Ах, я верю! в час, как щелкнет
Оградительный замок,
И весь мир кругом примолкнет,
Словно скромн и далек, —

Что за радость к этим губкам
Губы алчные склонить,
Этим жгучим, острым кубком
Жажду страсти утолить!

Да, я верю: в этом теле
Взвивность синего огня!
Здесь опасность, — в самом деле! —
Чур меня! ах, чур меня!

1909

НАЧИНАЮЩЕМУ

...доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит!
А. Пушкин

Нет, мы не только творцы, мы все и хранители тайны!
В образах, в ритмах, в словах есть откровенья веков.

Гимнов заветные звуки для слуха жрецов не случайны,
Праздный в них различит лишь сочетания слов.
Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин – согласно
В явные знаки вплели скрытых намеков черты.
Их угадав, задрожал ли ты дрожью предчувствий неясной?
Нет? так сними свой венок: чужд Полигимнии ты.

1906

ИСПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Романтическая поэма

*Благоговейно посвящается
памяти В. А. Жуковского*

1

Угрюм и грозен замок Твид.
Он со скалой как будто слит,
Как будто вырос из скалы.
Гнездятся по углам орлы,
От стен идет нагой отвес,
Внизу синее хвойный лес,
И, недоступно далека,
Змеится белая река.

Владыка замка, Гуго Твид,
Издавно бранной славой сыт.
Добытым на войне добром
С излишеством наполнен дом.
Казне у Твида счета нет;
С ним не тягается сосед,
А Твид оспорит короля;
Подвластны Твиду все поля,
Твид – стар, но силен до сих пор;
В его руке как гром топор;
И Твиду старому верна
Его прекрасная жена.

Ее он девочкой увез
На свой незыблемый утес;
Хранил года как ценный клад;
Воспитывал как добрый брат,
Чтоб после выбрать жениха;
Берег от тайного греха
Меж верных слуг и старых дев;
Но, Божьей волей, овдовев,
Назначил ей удел иной

И сделал пленницу женой.

Гертруда вся – как сладкий сон.
Туманной тенью углублен
Ее лучистый взор; у ней
Звук голоса – как пенье фей,
И россыпь золотых волос –
Как кудри дев из мира грез;
Она легка – как тихий снег,
Ее беззвучен легкий бег,
Ее шагов не помнит слух,
Как будто мимо веял дух.

Вся жизнь Гертруды, с ранних лет,
Прошла, вдали от зол и бед,
На неприступной высоте.
Она лишь смутно, как в мечте,
Знавала реки и леса;
Ей ближе были небеса,
Где тихо облака плывут,
Где ночью ангелы поют,
Да лики с сумрачных икон –
Христа и вдумчивых мадонн.

Она была страстей чужда,
Людей не зная; иногда
Ей пел зашедший к ним певец
О связи любящих сердец,
Но внятней, чем любовный стих,
Ей были жития святых.

И, зная, как она живет,
Легенды заживо народ
Об ней слагал, – и слух ходил,
Что чудо ей Господь явил.
В своей молельне, в дни поста,
Она усердно у креста
Одна молилась в поздний час,
И слезы из прекрасных глаз
Лились Христу на язвы ног;
И, вдруг, изваянный веночек
Над каменным святым челом
Расцвел, как ветка под дождем!
И верили, – что вся страна
Ее мольбой охранена.

Шестые сутки в замке Твид
Огонь до полночи блесит.
В восточной башне угловой

Гость водворился дорогой:
Граф Роберт – Гуго давний друг.
Один, без спутников и слуг,
Обетом связанный своим,
Идет он, скромный пилигрим,
В одежде инок и бос
В страну, где пострадал Христос.

Граф Роберт смертный грех свершил.
Он брата своего убил
В порыве гнева и с тех пор
Поднять не смеет скорбный взор.
Не снят с души тяжелый грех,
И граф не ведает утех.
И чужд ему веселый пир,
И грустен радостный турнир.
В его душе клеймо одно
Рукой горящей возжжено;
В его душе одна лишь страсть:
Пред гробом Господа упасть
И вымолить себе покой...
Зачем же в башне угловой,
Где думал вечер отдохнуть,
Он медлит, позабыв свой путь?

Граф Роберт – молод и красив.
В его кудрях стальной отлив;
Всегда он смотрит словно вдаль,
Но затаив в себе печаль,
Его глаза – как два клинка;
Его слова, как облака,
Меняют формы каждый миг;
Но ярче и мудрее книг
Его обдуманная речь,
Сердца разящая, как меч.

С Гертрудой встретясь в первый раз,
Не поднял Роберт темных глаз.
То было поздно, в час глухой,
На узкой лестнице витой,
Где злые тени при огне
Качались грозно по стене.
Промолвил он, лицо клоня:
«Молись, святая, за меня!»
И был встревоженной мольбой
Ее ответ: «Господь с тобой!»

Но день спустя, в такой же час,
Опять вдали от чуждых глаз
Они сошлись. Был мрак уныл,
Над черной бездной ветер выл,
И в свете молнии – бледна

Была Гертруда у окна.
Шепнул смиренный пилигрим:
«Твоей молитвой я храним
Сегодня!» Но, смотря во тьму,
Та не ответила ему.

Когда же, в третий раз, опять
Пришлось им вместе задрожать
На башне перед ликом звезд, –
С груди сорвал он черный крест,
И пал к ногам ее, и ей
Сказал безвольно: «Будь моей!» –
Сказал, и к ней лицом приник...
И темен был безмолвный миг...
Но вдруг, как солнце впереди,
Ее ответ зажегся: «Жди!»

Письмо Гертруды

«Мой господин! мой царь! мой брат!
Свершилось. Нет пути назад.
Не жаль мне в прошлом ничего.
Хочу лишь взора твоего,
Твоих, огнем горящих, уст.
Мир без тебя и дик и пуст.
Я годы целые спала;
Взошла денница и сожгла
Мои глаза своим лучом.
Рублю я радостным мечом
Нить жизни краткой – пополам.
Души спасенье я отдам
За день с тобою, – и в аду
У ног твоих я рай найду!
Как сон, я скину дни мои!
Увижу лес, поля, ручьи,
Увижу вольных певчих птиц!
У наших западных границ
Есть лог и три Проклятых Пня.
На склоне дня там жди меня!»

Алеют тихо облака.
И безрассудна и робка,
Лицо закрыв густой фатой,
В одежде странницы простой
Гертруда вышла из ворот.
Ее никто не поведет,
Ее никто не охранит, –
Но тщетно будет Гуго Твид

Искать изменницы-жены.
Ее движенья решены,
Как решена ее судьба:
Она – счастливая раба,
Пока захочет властелин,
Пусть жизнь, пусть год, пусть день один,
А после – дальний монастырь
Ей вновь закроет высь и ширь.

Меж буков, мрачных и немых,
Дорогой, полной чар лесных,
Скользит Гертруда в тишине,
И мир пред ней – как мир во сне,
Как память о иных мирах,
Порой томящая в мечтах.
Пьянит свобода, как вино,
И сердце мыслью прожжено:
Он ждет, он встретит, и они
Сольют свои уста в огни,
Сплетут извивы нежных рук,
Замрут в истоме сладких мук.
И страстный взгляд любимых глаз
Она увидит в первый раз!

Она идет вперед, вперед...
Так лишь лунатики обход
Свершают ночью вдоль стены
При свете пристальном луны.
Она скользит, как легкий челн
По ветру над качаньем волн,
Храня безволие свое.
Не ангел ли ведет ее?
Не Бог ли правый с высоты
Благословил ее мечты?

Но чу! глухой, далекий скок.
И вторит лес, и вторит лог
Бряцанью шпор и лаю псов.
Не скрыться меж лесных стволов!
Не упредить лихих коней!
Все ближе, ближе, все ясней,
Все беспощадней стук копыт, –
И пред Гертрудой Гуго Твид!

Глуха подземная тюрьма.
В ней смрад и сырость, тишь и тьма.
Порой в ней тени говорят,
И кости давние стучат
Под непривычную ногой,

Рождая отзвук гробовой, –
Но звуки, умирая тут,
Гранитной толщи не пробьют,
Ни в замке, ни среди полей
Ничьих не возмутят ушей!
И с воли к тем, кто здесь забыт,
Зов ни один не долетит!

Припав к стене, в сыром углу,
Гертруда не глядит во мглу,
Не плачет, тщетно не зовет.
На миг сверкнул ей небосвод
Сияньем пламенной зари, –
И вновь померкли янтари.

На миг, в сияющем венце,
С улыбкой странной на лице,
Маня, предстала ей Любовь –
И в темный гроб упала вновь.
На миг зажглась над ней звезда, –
Чтоб закатиться навсегда!

Томят виденья в тишине!
В бреду больном иль в зыбком сне
Гертруда видит дальний лес,
Глубь вечеряющих небес,
И лог, и три Проклятых Пня...
При свете меркнувшего дня,
К сухой коре лицом припав,
Там ждет ее печальный граф.
Его глаза блестят во мгле;
Высокий посох – на земле;
А что в его руке? – кинжал?
Встал полный месяц, кругло-ал,
И чрез глазницы мрачных туч
Стал наводить на все свой луч.

И кажется Гертруде вдруг:
Благоухает лог и луг,
И снова, по траве полян,
Она бежит в ночной туман.
Слабеют силы; на ногах
Как будто цепи; хладный страх
Растет на сердце... Поворот...
И старый бук... И он... И вот
Слетает с уст невольный стон, –
И милый, милый к ней склонен!
Она сквозь слезы, чуть жива,
Лепечет нежные слова,
И слышит лепет нежных слов,
И видит страстный блеск зрачков,
И, холодея вся, как труп,

Впивает ласку жданных губ.
Что это? смерть иль страсти миг?
Стон боли или счастья крик?
Со странно-радостным лицом
Поверглась узница ничком.
В темнице, царственно-одна,
Стоит и смотрит тишина.

5

Померк на западе пожар.
Настало время тайных чар.
Раскрыли звезды ширь и высь;
Сквозь ветви эльфы пронеслись;
Вдали короной золотой
Блеснул под буком Царь Лесной;
И на поляне смех звончей
Его беспечных дочерей.

Но графа не коснется страх.
Не лезвие ль в его руках?
Не крест ли на его груди?
Но мрак все гуще впереди.
Давно прошел условный час,
Плыл месяц – и меж туч угас,
Была надежда – и прошла,
И мгла кругом, и в сердце мгла...
Слабеет, никнет гордый дух,
И граф молитву шепчет вслух:

«Ты не пришла, ты не придешь!
Твое письмо – иль смех, иль ложь!
А я, смиренный пилигрим,
Обетом связанный своим,
Посмел о радости мечтать!
Бежать я должен, словно тать,
В святую землю поспешить,
У гроба Господа сложить
И прежний грех, и эту страсть!
К кресту пречистому припасть,
Да скажет мне Господь: „Пролью.
Елей я на душу твою!“
Но если... Если в замке том
Она томится под замком,
И ждут ее – и суд и казнь!
О, сердце сжавшая боязнь!
О, ужас, впившийся в мечты!
Но что во тьме?.. Кто близко?.. Ты?»

Лицо закрыв густой фатой,
В одежде странницы простой,

Как черный призрак через тьму,
Гертруда тихо шла к нему.
И граф спешит навстречу ей,
Зовет небесной и своей,
И ризы влажные края
Целует, счастья не тая,
И шепчет, что им должно прочь,
Что клонится к исходу ночь.

Но, словно статуя бледна,
Молчит в его руках она
И только льнет к нему нежней,
Как тень среди других теней.
Он близостью ее сожжен,
И страсти, бьющей в сердце, он
Уже не может одолеть!
Готов он вместе умереть
За миг блаженства здесь, теперь...
Закатный месяц, словно зверь,
Взглянул на них из низких туч...
Чу! где-то близко брызнул ключ.
И вот, под мерный говор струй,
Сверкнул их первый поцелуй!

Без клятв был заключен их брак.
Свидетелем был строгий мрак;
Меж трав, обрызганный росой,
Стоял незримый аналой;
Светили звезды им с небес;
Пропел им хор могучий лес;
И эльфы, легкие, как дым,
Приветствия шепнули им;
И, мимо проходя тропой,
Благословил их Царь Лесной.

6

Храня лица спокойный вид,
Сошел наутро Туго Твид
С ватагой слуг в свою тюрьму.
Чуть факелы вспугнули тьму, –
Все вдруг поникли головой:
Лежал пред ними труп немой.
Была Гертруда хороша,
Как будто грешная душа
С восторгом отошла, пред тем
Увидев благостный Эдем.
Казалось: спит Гертруда, сжав
В руке пучок цветов и трав.
И было явно всем, что тут
Не нужен больше грозный суд!

И в тот же день бедняк пастух,
Свирелью услаждая слух,
Привел овец к Проклятым Пням,
И труп нашел, простертый там.
Граф Роберт словно тихо спал.
Высокий посох и кинжал
Лежали близ, в траве густой.
Был граф прекрасен, как живой,
С улыбкой счастья на устах.
Но в крепко стиснутых руках
С собой в могилу он унес
Прядь золотистую волос.

Начато в 1901 г.

Кончено в 1907 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОПРАВДАНИЕ ЗЕМНОГО

Ангел

Огни твоей земной вселенной –
Как тень в лучах иных миров!

Поэт

Но я люблю мой дух надменный
И яркий блеск моих оков!

Ангел

За гранью счастлих и несчастий
Есть лучшей жизни небосвод!

Поэт

Но я хочу, чтоб темной страсти
Меня крутил водоворот!

Ангел

Познаешь, кинув мир случайный,
Как сожигает полнота!..

Поэт

Но для меня в любви – все тайны,
В одном лице – вся красота!

26 января 1907

СЕЯТЕЛЬ

Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на нивах; время снова
Мне стать учеником.

От шума и толпы, от славы и приветствий
Бегу в лесной тайник,
Чтоб снова приникать, как в отдаленном детстве,
К тебе, живой родник!

Чтоб снова испытать раздумий одиноких
И огненность и лед,
И встретить странных грез, стокрылых и стооких,
Забытый хоровод.

О радость творчества, свободного, без цели,
Ко мне вернешься ты!
Мой утомленный дух проснется в колыбели
Восторженной мечты!

Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым
Весь мир увижу я
И буду заклинать простым и вещим словом
Все тайны бытия!

1907

ЗВЕЗДА

В дни юности, на светлом небе,
Признал я вещую звезду,
И принял выпавший мне жребий,

И за моей звездой иду.

И в темном мире, год за годом,
Меня кружит и водит Рок.
Я видел пред эдемским входом
Огнем пылающий клинок;

Я слепнул в нестерпимом блеске
Воздвигнутых Содомом зал;
Я грустной повести Франчески
В стране, где нет надежд, внимал...

Зачем же в лабиринт всемирный
Тяну я дальше нить свою?
Кому я ладана, и смирны,
И злата – царский дар таю?

Не даст ответа светоч горний...
Ад пройден, и за мной Эдем...
И все спокойней, все покорней
Иду я в некий Вифлеем.

1906

ФАЭТОН

Как в полдень колесница Феба
Стоит на ясной высоте,
По крутизне земного неба
И я взнесен к своей мете.

Я вижу с вечного зенита
Со всех сторон отвесный скат,
И мне одна стезя открыта:
Дуга крутая на закат!

Быть может, коней не сдержу я,
Как древле оный Фаятон,
И звери кинутся, ликуя,
Браздить горящий небосклон.

Тогда, Кронион, суд исполни
И гибелью покрой мой стыд:
Пусть, опален зубцами молний,
Паду к ногам Океанид.

7 июня 1905

Печатается по: Брюсов. В. Я. Собрание сочинений в семи тт. – М., «Художественная литература», 1973. Т. 1

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>